

Владимир
КУНИН
Привал

Владимир Владимирович Кунин

Привал

Scan, OCR, SpellCheck Чернов Сергей (г.Орел) chernov@orel.ru

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129005

Владимир Кунин. Привал: АСТ, Транзиткнига; Москва; 2003

ISBN 5-17-019767-5, 5-9578-0289-1

Аннотация

Страстная и поэтичная «история любви на поле битвы». История любви, у которой нет ни прошлого, ни будущего – только сверкающий миг.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

92

Владимир Кунин

Привал

Тридцатого марта 1945 года к командующему Первой армией Войска Польского генералу Станиславу Поплавскому прямо на командный пункт неожиданно прикатил командующий Вторым Белорусским фронтом маршал Рокоссовский.

Первым затормозил «додж»-три четверти с десятью автоматчиками личной охраны, вторым – камуфляжно размаляванный легковой «ЗИС» с маршалом, его личным адъютантом – подполковником и младшим лейтенантом – водителем. Следом остановился еще один «додж», на котором была смонтирована счетверенная зенитно-пулеметная установка для защиты командующего фронтом от внезапного нападения с воздуха.

Уже несколько дней Рокоссовский был простужен и чувствовал себя отвратительно. Он болезненно втягивал голову в плечи, прятал подбородок в меховой воротник довоенного комсоставского, порыжевшего от старости кожаного реглана и зябко поводил плечами. Его знобило, глотать ему было больно, разговаривать трудно. От переносицы к вискам и надбровным дугам разливалась тупая непрерывная боль.

Командующий польской Первой армией – огромного роста, толстенный, могучий Поплавский – в эту секунду был на связи с генералом Голембовским, командиром одной из сво-

их пехотных дивизий, которая вела стремительный и жестокий бой за небольшой польский городок. В масштабе общего наступления весны сорок пятого городок был сам по себе ерундовский, плюнуть некуда, однако только в нем сохранились нетронутыми железнодорожные подъезды, по которым немцы гнали эшелоны с подкреплением для своей отступающей армии.

– Хорошо идете!.. Еще быстрее! Не давайте опомниться! Ты меня слышишь, Голембовский?! Быстрее, говорю!!! – кричал в трубку полевого телефона огромный Поплавский.

Рокоссовский поморщился и болезненно сглотнул. Подполковник – его адъютант – тут же достал большой термос, толстую фаянсовую кружку, расписанную аляповатыми петушками, и налил маршалу крепкого горячего чая.

– Слушай, Голембовский!.. Слушай же, черт бы тебя побрал!.. – орал Поплавский в трубку. – Повтори!.. Что?..

Он плохо слышал Голембовского, напрягался, стараясь понять, что ему отвечают с того конца провода, но голос оттуда то затихал, то пропадал вовсе, и от этого Поплавский кричал еще громче, еще яростнее. В какую-то секунду он совсем перестал слышать Голембовского и, взбешенный, повернулся к стоящим позади него...

И увидел Рокоссовского, который, нахохлившись, сидел за столом, согревал руки на фаянсовой кружке с горячим чаем и мелко прихлебывал из нее. Поплавский вытянулся, прикрыл ладонью микрофон трубки, набрал полную грудь воз-

духа, собрался доложить, но Рокоссовский махнул рукой и хриплым шепотом сказал:

– Отставить. Дивизия Сергеева подошла?

– Так точно! Уже минут сорок работают вместе.

Поплавский спохватился и крикнул в трубку:

– Голембовский! Оставайся на связи!.. – и снова закрыл трубку телефона ладонью, напоминающей по величине малую саперную лопату.

– Отлично, – тихо сказал Рокоссовский. – Дай команду перекрыть все подходы к городу – лишить немцев возможности получить подкрепление. Тогда будет меньше крови... Город взять. Продолжай...

Он снова склонился над кружкой, вдыхая горячий чайный пар. Поплавский с удвоенной силой закричал в трубку полевого телефона:

– Голембовский! Януш!.. Ты меня слышишь, Януш? Ты меня слышишь, я тебя спрашиваю?!

Тридцатого марта 1945 года земля дрожала от танкового грохота, взрывов и топота тысяч солдатских сапог...

Холодный серый весенний воздух был разорван десятками «Илов». Они шли бредущим, на малых высотах, и чудовищный рев их двигателей, многократно отраженный от близкой земли, вбирал в себя почти все остальные звуки.

Дымным пламенем горели обозные повозки, плавилась броня самоходных орудий, в смертельном вальсе крутился на одном месте полыхающий танк с разорванной гусеницей.

Бежали и падали, бежали и падали солдаты в польской и советской форме. В беззвучном крике искажались мокрые, яростные лица. Захлебывались кровью, хрипом, слезами, застывали – изломанные, обмякшие, мертвые...

Но в пик, казалось бы, уже невыносимого отчаяния все вдруг кончилось: чуть ли не разом ушли вперед все звуки, рассеялся дым над клочковатым хуторским полем, стал различим в полутора километрах утренний силуэт маленького городка, а рядом с полем обнаружился горящий хуторской сарайчик.

Стало вдруг так тихо, что можно было услышать треск полыхающего дерева и чье-то тоненькое жалобное повизгивание и возню внутри горящего сарайчика.

А потом... То ли это прилетел запоздалый шальной снаряд, то ли рванула одинокая мина, то ли в самом сарае не снесла нестерпимого жара бочка с керосином, но в почти полной тишине вдруг раздался оглушительный взрыв, крыша сарая поднялась и поплыла по небу, стены стали медленно оседать и рассыпаться, и из-под взметнувшихся горящих обломков на маленькое, раскисшее от весенних дождей хуторское поле вылетело десятка полтора тощих, грязных свиней!..

С ледянящим душу визгом, доходящим до панического хрипа, свиньи заметались по полю. Но поле оказалось минированным. Первый же грязный фонтан взрыва вскинул растерзанную свинью в воздух, а затем вместе с опадающими

комьями дымной мокрой земли шмякнул ее о черное весеннее поле.

Рванула вторая мина – взлетели в воздух кровоточащие клочья только что жившей, ни в чем не повинной свиньи... Третья – и еще одна, поджарая, голодная, с черными подпалинами на спине и брюхе, была отброшена на десятки метров с вывернутыми лиловато-розовыми горячими внутренностями. Она еще скребла по земле своими тоненькими копытцами, а в воздухе уже повис четвертый фонтан взрыва. Он был почти не слышен из-за жуткого визга, хрипа и стона несчастных свиней, бессмысленно мечущихся по полю в поисках жизни и натыкающихся на неумолимую смерть...

Тридцатого марта 1945 года на пустынном вокзальном перроне маленького польского городка стоял пожилой толстенький начальник станции, трясся, как огородное пугало на ветру, от страха, тоски и безысходности и ждал прибытия немецкого эшелона. Кроме него, на перроне не было ни одной живой души.

Не сходя с места, начальник станции умудрялся все время производить какие-то не совсем осмысленные механические движения – он нервно переступал, покачивался, крутил головой, расстегивал и застегивал свою форменную тужурку, поправлял фуражку, тихонько охал и постанывал от ужаса. И если бы он не стоял на месте, будто приклеенный к серому перронному бетону, про него можно было бы сказать, что он мечется из угла в угол.

Чудом уцелевший вокзал представлял собой унылую железнодорожную постройку конца прошлого, а может быть, начала нынешнего века, со ржавыми и безвкусными железными завитушками ограждений, перильцами подземных переходов ко второму перрону и низкими заборчиками, за которыми проглядывали чахлые деревца привокзального сада.

Рельсы, пролежавшие у перронов, совсем неподалеку уже уходили в обычные разъездные переплетения, а в трехстах метрах, сразу за такой же унылой, как и вокзал, краснокирпичной водокачкой, сворачивали влево и переставали быть видными из-за различных станционных строений.

Вот оттуда-то и показался медленно ползущий немецкий эшелон. Начальник станции увидел эшелон, руки у него задрожали, толстенькое тельце забила дрожь, и он с величайшим трудом подавил внезапный приступ тошноты. Он беспомощно оглянулся, моля Бога дать ему силы не потерять сознание.

И тогда совсем рядом, из-за его спины, раздался негромкий спокойный голос с характерным «акающим» московским говорком:

– Анджей, послушай... Ну скажи ты этому дураку, чтобы он успокоился.

– М-гу... – пробурчал кто-то в ответ и по-польски тихо рывкнул на начальника станции: – Что ты дергаешься, как свинья на веревке?! Стой смирно! Улыбайся, пся крев!..

И начальник станции застыл с мученической гримасой, которая должна была, по его представлениям, изображать приветливую улыбку.

Медленно и осторожно подползал к перрону немецкий эшелон. Из-под паровоза ритмично била струя белого пара, свежей влагой оседала на земле, на черной мазутной щебенке, соседних рельсах, стрелках. Неторопливо погромыхивали на стыках колеса. Перестук становился все реже и реже, послышался звонкий тормозной лязг буферов, эшелон совсем уже медленно вполз под дырявое, проржавевшее и простреленное перронное перекрытие на ажурных кронштейнах и остановился. Паровоз печально вскрикнул, выпустил длинную струю пара и затих.

В составе было несколько товарных вагонов, один пассажирский – штабной – и штук семь открытых платформ с военной техникой, заботливо и аккуратно укутанной брезентовыми чехлами.

Из товарных теплушек посыпались немцы. Они тут же строились в четыре шеренги по всей длине состава. Это были солдаты последних тотальных призывов – старики и мальчишки. Серые от недоедания лица, серо зеленая мешковатая форма, тонкие шеи из широких воротников...

Выскочили офицеры из штабного вагона, забежали вдоль строя, подгоняя замешкавшихся, неумелых, не бывавших еще ни в одном бою, испуганных, задержанных людей, которым всего лишь несколько дней тому назад насильно впих-

нули в руки оружие и под трескучие лозунги согнали в единое стадо.

Последним из штабного вагона вышел немолодой полковник.

Он встал перед строем, выслушал рапорт старшего офицера о готовности личного состава к дальнейшим действиям и вставил в правый глаз старый монокль на черном шелковом шнурке. Сделал он это так легко, изящно и привычно, что никому не могло бы прийти в голову обвинить полковника в кокетливом фанфаронстве.

Полковник оглядел замерший перед ним строй и на секунду подумал о том, что все эти несчастные люди уже никогда не вернутся под крыши своих домов, что все они и он сам – старый кадровый штабной чиновник, ставший в последние трагические для Германии дни строевым офицером, обречены и дело лишь только в том, когда это произойдет, как долго судьба позволит им еще дышать на этом свете...

Но он взял себя в руки, откашлялся и произнес:

– Солдаты! Вы прибыли...

Однако в ту же секунду, перекрывая полковничий голос, далекую орудийную канонаду и близкое ритмичное посапывание паровоза, с крыши вокзала, из огромных динамиков МГУ – «мощной говорящей установки» – раздалась чистейшая немецкая речь:

– Внимание!!! Внимание!!! Полтора часа тому назад город занят частями Первого Белорусского фронта и войска-

ми Первой армии Войска Польского. Во избежание ненужного кровопролития предлагаю немедленно сложить оружие и сдаться в плен.

Несколько человек метнулись из строя, кто-то стал сдерживать с плеча автомат, но из верхних окон вокзала два крупнокалиберных пулемета прогрохотали короткими очередями поверх голов немцев.

Со звоном вылетели стекла в штабном вагоне, теплушки брызнули деревянными осколками, и немцы замерли, боясь пошевелиться.

– Стоять!!! – оглушительно произнесли репродукторы. – Еще одно движение – и все будут уничтожены за пятнадцать секунд!

Несколько танковых орудий, взламывая оконные переплеты нижних вокзальных окон, высунулось из закопченного краснокирпичного здания на перрон, деловито развернулось и взяло под прицел весь эшелон от паровоза до последней платформы.

«Это сон... – пронеслось в голове у полковника. – Кошмарный сон!.. Этого не может быть!.. Неужели наступило это?! Что же делать?..»

И словно отвечая ему, с крыши вокзального здания репродукторы приказали:

– Немедленно сложить оружие и сдаться в плен! Отогнать состав на запасный путь!

Пустой эшелон послушно двинулся и, набирая ход, пока-

тился к водокачке. Открылся параллельный перрон второго пути, и полковник с ужасом увидел на нем цепь польских и русских автоматчиков. Стволы автоматов были направлены в спину немецкому строю.

«Боже мой, что же это? Какая-то чудовищная, совершенно опереточная ситуация!» – успел подумать полковник. У него выпал из глаза монокль и беспомощно повис на черном шелковом шнурочке.

– Кругом!!! – гаркнули по-немецки репродукторы.

Строй дисциплинированно повернулся, и немцы увидели, что они окружены... С лязганьем полетели на перрон карабины и автоматы.

Из центральных дверей вокзала спокойно вышел капитан Войска Польского Анджей Станишевский, и следом за ним на перрон тотчас выскочил старший лейтенант Красной Армии Валера Зайцев. В течение нескольких секунд из всех вокзальных дверей появились около сотни советских и польских солдат.

Не имея больше сил держаться на ногах, начальник станции прислонился к кирпичной стене и тихонько шептал молитву.

– Катись отсюда к такой-то матери! – по-польски приказал ему Станишевский.

Начальник станции не заставил Станишевского повторить приказание и буквально растворился, словно классическое привидение при первом утреннем петушином кукареканье.

– Андрюха! – восхищенно прошептал Валера Зайцев. – Смотри, какой генерал!.. Ну просто не генерал, а крем-брюле!

– Это не генерал, – сказал Станишевский. – Полковник. Он уверенно подошел к немецкому полковнику и откозырял ему. Затем вытащил у него из кобуры «вальтер», сунул его к себе в карман и показал полковнику на вокзальную дверь.

– Андрюшенька! Голубчик... – взмолился Зайцев. – Отдай его мне! Я тебе за него что хочешь! Андрюха, будь друг, а?..

На долю секунды Станишевскому стало жалко этот полковничий «вальтер».

– Ладно, бери... – с нескрываемым сожалением проговорил Станишевский и вытащил «вальтер» из кармана.

– Да не это!.. – отчаянно зашептал Зайцев, держа полковника на мушке. – Ты мне генерала отдай!

– Это не генерал, а полковник.

– Черт с ним, пусть полковник... Зато какой солидный! У меня такого еще никогда не было. Отдай!

– Да бери, дерьма-то! – облегченно улыбнулся Станишевский и с удовольствием спрятал «вальтер» в карман. – Мам го в дупе тего пулковника! С тебя сто грамм.

– Бутылка! – счастливо крикнул Зайцев и пихнул полковника автоматом к вокзальным дверям: – Айда, ваше благородие...

Капитану Станишевскому было двадцать семь лет, стар-

шему лейтенанту Зайцеву – двадцать три.

Они познакомились полтора года тому назад, когда двенадцать тысяч поляков Первой пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко и танкового полка имени Героев Вестерплатте вместе с частями Красной Армии прошли через Ярцево и Смоленск под Ленино, с тяжелыми боями форсировали Мерею, овладели деревнями Ползухи, Трегубово и заняли высоту 215,5. Это было в ночь с двенадцатого на тринадцатое октября 1943 года, в ноль часов тридцать восемь минут. А уже спустя три часа, в предутренней осенней темноте, младший лейтенант Валерка Зайцев – москвич, нахал, хвастун и хитрюга, не знающий сомнений ни при каких, казалось бы, самых безвыходных ситуациях, – тащил на себе в медсанбат польского подпоручика Анджея Станишевского, который шпарил по-русски не хуже самого Валерки. Конечно, многих слов, которыми Валерка пользовался легко и свободно, Станишевский еще не знал, но Валерка подозревал, что такие слова, наверное, есть и в польском языке.

Осколком мины у Станишевского была разорвана спина и, по всей вероятности, задето легкое: как только он начинал говорить, изо рта у него выступала кровавая розовая пена. Она превращалась в два тоненьких ручейка, сползала ему на подбородок, затекала за воротник мундира и сильно пачкала гимнастерку и ватник Валерки Зайцева.

К тому времени, когда ватник Зайцева почти пропитался кровью Станишевского, они натолкнулись на пожилого сан-

инструктора и двух медсанбатовских санитарок. Валерка передал хрипящего Станишевского в руки измочаленных и перепуганных медиков.

На следующие сутки, во время короткой передышки, Валерка Зайцев отпросился у своего командира роты и на попутной машине примчался в медсанбат с гостинцем для Станишевского – банкой американской тушенки «второй фронт».

К Станишевскому Зайцева не пустили. Того уже прооперировали, он находился в тяжелом состоянии и ждал отправки в тыловой стационарный госпиталь. Когда же Валерка стал слишком громко «качать права», на помощь двум сестричкам вышла худощавая женщина лет тридцати – хирург медсанбата, старший лейтенант Васильева Екатерина Сергеевна, и вышвырнула Валерку вместе с его гостинцами к чертям собачьим, запретив ему приближаться к палаткам санитарного батальона ближе чем на двести метров.

Настырный Валерка попросил передать своему новому «польскому корешу» хотя бы записочку. Огрызком карандаша он нацарапал на клочке бумаги свою фамилию, номер полевой почты и зачем-то даже свой московский домашний адрес. Ну и, конечно, всяческие пожелания...

Сорок суток Станишевский провел в благословенном тыловом краю, в фантастическом городе Алма-Ате, где по улицам и базарным рядам запросто ходили знаменитые москвичи и ленинградцы; известные писатели скромненько стояли

в очередях, чтобы сегодня выкупить хлеб по завтрашнему талону; где на рынке красивые женщины торговали своим барахлишком, наспех выменивали постельное белье, облезлые муфты и нелепые вечерние платья на стакан меда, конскую колбасу «казы» и топленое масло, чтобы прокормить своих прозрачных от постоянного голода детенышей.

Госпитальные интенданты и разная административно-хозяйственная шушера через подставных лиц спекулировали яичным порошком, туалетным мылом, папиросами «Дели», американским шоколадом, спиртом.

Околобазарная шпана заводила игру в «три листика», на чисто обирала аульных казахов в огромных лисьих треухах и стеганых халатах.

По вечерам ходячие раненые из госпиталей расползались по всему городу. Они возвращались в свои палаты только под утро. От них пахло водкой, дешевой губной помадой и резким одеколоном «Ала-Тоо» местного производства. Эти загипсованные, с заскорузлыми пятнами крови на повязках, с костылями и палками, с замотанными в бинты физиономиями, где зачастую оставались открытыми только край щеки, рот и один глаз, – но ходячие, самостоятельно передвигающиеся, выплескивали на лежащих сопалатников, прикованных к госпитальным койкам, красочные, циничные и бесстыдные рассказы о своих ночных похождениях со множеством фантастических подробностей, разухабистым враньем и жалкой лихостью. Понимание того, что большая часть этих

историй соткана воспаленным воображением рассказчиков, не избавляло лежащих раненых от нервного и завистливого возбуждения.

А за госпитальными стенами по одну сторону в холодное синее небо уходили поразительной красоты белоснежные горы, от подножия которых стекали вниз к долине несчетаемые яблоневые сады. По другую сторону госпиталя лежал рассеченный полутемными улицами на геометрические квадраты кварталов переполненный ноев ковчег военного времени. В саманно-глинобитных пристройках к хозяйским домам под одной крышей ютились пять-шесть эвакуированных семей. Человек по полтора – двести жили в фойе и залах бывших кинотеатров. Жизнь и быт каждого ограничивались тремя-четырьмя квадратными метрами пола и немудрящими занавесками вместо стен. А над всеми этими человеческими зыбкими сотами был один потолок на всех – расписанный картинами из светлой довоенной жизни: встреча героев-папанинцев, перелет Чкалова через Северный полюс, радостные лица представителей всех республик, утопающих в изобилии гигантских овощей, фруктов, за которыми на втором плане слева паслись тучные стада, а с правой стороны новенькие сверкающие колесные тракторы стройными рядами вспахивали залитые солнцем колхозные нивы...

Десятки тысяч беженцев населяли этот город.

Каждый день от пакгаузов «Алма-Ата-2 Товарная» на фронт уходили эшелоны с продовольствием и новобранца-

ми... Полуголодные казахские девочки вместе с эвакуированными лейтенантскими женами строчили армейские ватники и двупалые байковые рукавицы, чтобы зимой можно было стрелять, не снимая их с рук...

Заводишко, раньше выпускавший кетмени, косы, грабли и бороны, был для таинственности переименован в «военный завод № 3». Он стал делать из обычных грузовиков так называемые «водомаслогрейки» для боевых самолетов, снаряды для семидесятишестимиллиметровых орудий и взрыватели для осколочных гранат Ф-1.

На Объединенной киностудии день и ночь творили наивные и глуповатые «фронтовые киносборники», выстроенные по принципу легенд о замечательном казаке Козьме Крючкове времен Первой мировой войны.

А за стеной, в соседнем павильоне, Сергей Эйзенштейн снимал «Ивана Грозного».

В помещении Казахского драматического театра Вера Марецкая играла Мирандолину в «Трактирщице». По госпиталям, прямо среди коек в палатах тяжелораненых, Бабочкин и Блинов играли сценки из кинофильма «Чапаев», Чирков – знаменитый Максим – пел под свою гитару надтреснутым тенорком «Крутится, вертится шар голубой...». Мелодекламации Лидии Атманаки сводили с ума санитарок и поварих, нянечек и раненых, врачей и представителей местной казахской власти:

Но однажды весной лейтенант молодой,

*Покупая цветы в магазине,
Взглядом, полным огня, посмотрел на меня
И унес мое сердце в корзине...
Зайдите на цветы взглянуть -
Всего одна минута!
Приколет розу вам на грудь
Цветочница Анюта...*

А после концерта – в кабинете начальника суп из черепахи и тушеный кролик с серыми макаронами. Банкетик! И само собой, гонорар со склада ПФС, что значит «продовольственно-фуражное снабжение», – по килограмму ячневой или пшенной крупы, по бутылке хлопкового масла.

В оперном театре перед спектаклем и в антрактах без всяких карточек и талонов продавались жаренные черт знает на чем пирожки с луком и знаменитое «суфле» из солодового молока и свекловичного сахара. Оно было липким, сладким и на пару часов давало ощущение булыжной сытости...

Была в Алма-Ате польская военная миссия. Она помещалась в центре города, в обшарпанной двухэтажной гостинице со странным названием «Дом Советов», и занимала несколько лучших номеров.

Когда Станишевский выписался из госпиталя, он был туда приглашен. Там по приказу польского командования ему было присвоено очередное звание поручика, а по представлению советского командования вручен орден Отечественной войны второй степени.

Торжественная часть закончилась скромной пирушкой во славу польского оружия, в память и во здравие всех поляков – участников французской и русской революций. Говорились тосты за польских летчиков и пехотинцев, сражавшихся в Англии и Норвегии, Африке и Франции, за движение Сопротивления в родной Польше и за поляков, вставших в один строй с русскими братьями против общего ненавистного врага – гитлеровцев...

На следующее утро Анджей проснулся в небольшом захламленном гостиничном номере. Рядом с ним спала маленькая миловидная блондинка со скорбными складочками у рта. Он тихо встал, неслышно оделся, пытаясь сообразить, кто эта женщина и как он тут оказался. И только когда увидел ее платье, аккуратно висящее на гвозде, вбитом прямо в дверь, вспомнил. В этом черном, расшитом стеклярусом и фальшивыми бриллиантами вечернем платье прекрасно пела одна эвакуированная артистка ростовской эстрады, которую звали... Вот как ее звали, Анджей и не вспомнил.

Он вышел в гостиничный коридор, притворил за собой дверь, и вдруг ему до боли в сердце, до слабости в ногах захотелось увидеть ту женщину – из медсанбата, хирурга, старшего лейтенанта Васильеву. Ее звали Екатерина. Екатерина Сергеевна. Увидеть ее, упасть перед ней на колени, зарыться лицом в ее руки, целовать их, бормотать нелепые, ласковые слова, заглядывать в глаза снизу вверх...

Он даже задохнулся от неожиданности! Почему? Отку-

да такое? Ведь ничего не было сказано, ни одного лишнего взгляда... Да и видел он ее всего одни сутки – с того момента, когда очнулся от наркоза, и до отправки в стационар. Ну передала ему записку от того русского паренька, который вытащил его из боя, – так это могла сделать любая... Ну погладила по щеке, когда его на носилках запихивали в медсанбатовский фургон... Так она всех раненых так провожает. Какого черта?! Почему ему вдруг показалось, что он просто не может без нее жить?..

Спустя две недели, преодолев три тысячи восьмьсот километров самыми разными способами передвижения, он вернулся на фронт и, еще не появляясь в расположении своей дивизии, разыскал этот русский медсанбат, который не давал ему покоя теперь ни днем ни ночью.

Через старшину – дежурного фельдшера он вызвал старшего лейтенанта Васильеву Екатерину Сергеевну.

– Капитана Васильеву. Она теперь капитан медицинской службы... – мрачно поправил Станишевского огромный пожилой старшина и ушел.

Васильева выскочила на крыльцо в валенках, накинутом на плечи полушубке, кутаясь в обычный бабский пуховый платок. Увидела Станишевского, сразу узнала его и рассмеялась:

– Что, братец кролик, ожил? Быстро тебя на ноги поставили!..

Анджей не принял ее шутливого тона и сразу, с места в

карьер, заявил, что любит ее и, кажется, не представляет себе без нее дальнейшей жизни.

Несколько секунд Васильева внимательно разглядывала Станишевского, затем улыбнулась, взяла за болтающиеся «уши» теплой зимней шапки, притянула к себе и поцеловала его в нос:

– Пупсик, я очень рада, что тебе это только «кажется». Это не смертельно. Свежий воздух, нормальное питание, крайняя осторожность в общении с местным дамским населением, – немцы здесь оставили уйму венерических, – и все пройдет! Если же эта маленькая постгоспитальная истерика примет более серьезные формы – приезжай. Я тебя вылечу. Потому что серьезная влюбленность может иметь чисто инфекционные последствия. А я совершенно не собираюсь этим болеть вместе с тобой. Понял?

– Нет, – упрямо сказал Станишевский.

– Тоже ничего страшного, – легко сказала Васильева. – Поймешь. А теперь чеши за мной, у меня есть для тебя маленький сюрприз. Вытри ноги!

И привела его в палату легкораненых, где «по случаю сквозного пулевого ранения левого бедра» самозабвенно лупил костяшками домино его спаситель – Валерка Зайцев...

За пятнадцать месяцев, отделявших их от совместного наступления на районы Польского Поморья, судьба сводила их еще несколько раз. За это время Зайцев успел получить орден Красного Знамени и внеочередное звание старшего лей-

тенанта за участие в одной очень рискованной вылазке, где его обычная наглость и поразительное везение решили успех дела и оставили его в живых.

Последние шестьдесят дней дивизия полковника Сергеева, где служили Зайцев и Васильева, была просто напросто придана Первой армии Войска Польского и взаимодействовала с польской дивизией генерала Голембовского на одних и тех же участках, в одном и том же направлении. Анджей Станишевский, уже в чине капитана, командовал ротой автоматчиков.

Бои шли тяжелые – мгновенные броски, ночные молниеносные передвижения частей, огромные потери. Поляки и русские буквально валились с ног от изнеможения. Поэтому Станишевский, хотя и знал, что медсанбат Васильевой находится где-то совсем рядом, так и не сумел ее повидать за эти последние два месяца...

Тридцатого марта 1945 года на Рыночной площади маленького польского городка шел торжественный молебен. Службу вел бывший командир минометной роты, ныне капеллан пехотной дивизии Первой армии Войска Польского майор Якуб Бжезиньский, облаченный в одежды католического ксендза.

Перед ним, в строгом строю, с обнаженными головами, стояла дивизия Голембовского вместе со своим сорокалетним генералом и замполитом – подполковником Юзефом Андрушкевичем, двадцати восемью лет от роду.

За спинами польского воинства толпились несколько сотен местных жителей. Из окон домов и с балконов свисали красно-белые польские флаги. По улочкам, прилегающим к площади, на звучный напевный голос военного ксендза стекался народ. Женщины плакали.

В кузове «студебекера» с откинутыми бортами стоял походный алтарь. Чуть впереди, почти у самого края кузовной площадки, перед микрофоном «мощной говорящей установки», которая утром на вокзале заставила немцев сложить оружие, стоял капеллан Куба Бжезиньский и срывающимся от волнения голосом, в котором не было ни малейшего наигрыша, говорил о том, что если всегда за все справедливые свершения обычно люди благодарили Бога, то сегодня Господь Бог сам приносит благодарность своим верующим за долгожданное освобождение и возвращение исконно польских земель своему государству, своему народу... Нет предела Божьей скорби о павших в боях, нет большего желания у Бога, чем желание помочь страждущим и исцелить раненых, нет большего счастья у Всевышнего, когда со своих заоблачных высот он видит поистине братский союз двух народов – России и Польши! Ибо только в таком единении можно прийти к окончательной победе и восстановить мир на земле!

В уважительном молчании стояли несколько смущенные русские, вслушиваясь в голос капеллана, пытались понять, хотя бы по знакомым славянским созвучиям, о чем говорит

этот военный священник, у которого из-под католического облачения откровенно выглядывали армейские яловые сапоги.

Из переулка на малом ходу, негромко урча двигателем, на площадь выкатилось самоходное орудие СУ-76. На пушке у него висел огромный венок из елового лапника, а по борту было написано большими белыми буквами: «Иван Лагутин». По всей вероятности, самоходка хотела пересечь площадь и двигаться дальше по каким-то своим самоходным делам. Но от группы советских солдат и офицеров неторопливо отделился огромный толстый пожилой медсанбатовский старшина Степан Невинный и пошел навстречу бронированному чудовищу.

Люк механика-водителя был открыт. Оттуда выглядывала любопытная измазанная мальчишечья физиономия в шлемофоне.

Невинный подошел вплотную и уперся в броню своими лапищами. Механик-водитель испуганно затормозил. Старшина показал ему кулак величиной со средний арбуз и скрестил руки над головой: дескать, глуши двигатель. Водитель немедленно выключил двигатель, и уже ничего не могло помешать торжественному богослужению.

Невинный презрительно оглядел экипаж, рассеявшийся на башне, и покрутил пальцем у виска.

– Остолопы нахальные, – негромко сказал он. – Разъездились.

Но в это время молебен закончился, послышались отрывистые команды на польском языке, и воинство стало натягивать на головы шапки-ушанки, конфедератки, пилотки.

Строй сломался, поляки сразу же смешались с россиянами, где-то уже пошли фляжки по кругу, кто-то из запасливых «стариков» польской дивизии волок через площадь отощавшую покорную корову, на шее у которой висел карабин ее нового неожиданного хозяина...

Опасливо поглядывая на огромного Невинного, механик-водитель самоходки завел двигатель и осторожно стал пробираться сквозь толпу, время от времени оскальзываясь траками своих гусениц о каменную брусчатку старой Рыночной площади, выложенную лет четыреста тому назад...

Якуб Бжезиньский подобрал свои священные одежды и прыгнул со «студебекера». Его сразу же окружили несколько польских офицеров, среди которых был и Анджей Станишевский. Он помог Бжезиньскому снять католическую рясу, под которой у него оказался нормальный военный мундир с майорскими погонами, крестом, медалями и советским орденом Красной Звезды. Только на воротнике, где обычно прикрепляются эмблемы рода войск, у капеллана были маленькие католические крестики.

– Спасибо, Куба, – тихо сказал Станишевский. – У меня в горле прямо комок стоял...

Капеллан поднял на Станишевского растерянные влажные глаза.

– Знаешь... – сказал он и откашлялся. – Я когда все вот это увидел... – Он показал на балконы домов с флагами и людьми, обвел глазами забитую народом площадь. – Я когда вот это все увидел, я сам чуть не расклеился, – повторил Бжезиньский.

Голос у него перехватило, он снова откашлялся и сипло спросил:

– Закурить есть?

Станишевский достал сигареты. Руки капеллана тряслись от волнения, он никак не мог вытащить сигарету из пачки и виновато улыбался.

В это время через площадь из какого-то переулочка вылетел «додж» – три четверти с красным крестом на борту. В нем рядом с шофером сидела Екатерина Сергеевна Васильева – майор медицинской службы, старший хирург отдельного санитарного батальона Красной Армии. Сзади нее сидели две молоденькие сестрички с тюками только что полученного перевязочного материала.

Васильева внимательно вглядывалась в толпу, кого-то искала. И вдруг увидела пожилого старшину Степана Невинного.

Старшина стоял в окружении нескольких солдат и штатских и внимательно слушал старенького, аккуратно одетого поляка, который рассказывал, наверное, что-то печальное, потому что у всех стоящих вокруг были грустные лица. А неподалеку от них маленький бродячий оркестрик настраи-

вал свои немудрящие инструменты.

– Невинный! – крикнула Васильева и повернулась к шоферу: – Тормози! Невинный, черт бы тебя побрал! Иди сюда!..

Старшина мгновенно пожал руку польскому старичку и побежал к «доджу».

– Где ты шляешься?! Тебя с собаками не сыщешь!

– Ох, Екатерина Сергеевна... Товарищ майор!.. Здесь такое было, – с ласковым восхищением проговорил Невинный. – Товарищ майор Бжезиньский... Помните, командир минометчиков? В начале сорок четвертого у нас лежал... Так он у них теперь – «батюшка»! И все – честь по чести! Так службу вел, ну просто...

– Тебе-то что? Ты что, верующий, что ли?!

– Да ведь как сказать... Когда за две войны тебя не зацепит ни разу, поневоле во что-нибудь поверишь, – улыбнулся Невинный.

– Садись в машину немедленно! Нам еще хозяйство разворачивать на новом месте... И так времени нет ни черта, а ты здесь лясы точишь с местным населением!

Старшина неловко полез в низенький кузов «доджа», а на звук голоса майора Васильевой уже продирался сквозь толпу капитан Анджей Станишевский и отчаянно кричал:

– Екатерина Сергеевна! Катя!..

В какую-то секунду Васильевой показалось, что кто-то зовет ее по имени, она удивленно взгляделась в толпу, никого

знакомых не увидела и рявкнула на водителя:

– Чего варезку раскрыл? Давай двигай!

– Ой, товарищ майор, вы какая-то нервная сегодня, – с привычной фамильярностью личного шофера сказал младший сержант и искоса подмигнул сидевшей за его спиной сестричке.

Медсанбатовский «додж» уже заворачивал в боковую улочку, а вслед ему сквозь шум, песни и разноголосицу ожившей площади несяся крик капитана Станишевского:

– Катя Васильева! Катя!..

Но маленький штатский оркестрик – гитара, барабан, аккордеон, труба и кларнет – во всю уличную мочь грянул знаменитое танго «Милонга», и голос Станишевского потонул в общем гаме...

И на все это внимательно смотрел обросший молодой человек в крестьянской тужурке, сшитой из грубого шинельного солдатского сукна, в разбитых сапогах и старенькой вязаной шапочке. Он держал облезлый велосипед, улыбался, когда его хлопали по плечу, отрицательно покачивал головой, когда ему предлагали сплясать или выпить. Он был так похож на всех остальных, что отличить его от любого местного жителя было совершенно невозможно. Однако если бы с ним заговорили, а он ответил, то поляки мгновенно бы в его речи заметили иностранный акцент. И это тоже, пожалуй, никого бы не удивило и не насторожило. Ибо сегодня он мог бы назваться кем угодно – лужицким сербом, кото-

рые уже лет триста населяли районы Одры и Шпрее, да так и сохранили присущий только им акцент в немецком и польском языках, чехом, югославом, пригнанными сюда на работы еще несколько лет тому назад...

Пару раз парень задумчиво оглянулся на окна второго этажа небольшого дома, где у подъезда стояли польские и советские автоматчики и несколько легковых машин – «эмки», «виллисы», «хорх» и даже один старенький «газик», на котором прикатил взвод охраны.

Почти половину фасада дома занимала обшарпанная золоченая вывеска: «Ресторан и кабаре „Цум гольденен адлер“», что в переводе должно было означать: «Под золотым орлом». На витринном стекле первого этажа было начертано трогательное признание: «Каффе унд бир – дас лоб их мир» – «Кофе и пиво – вот что мне любо».

За окнами этого кабаре шло летучее совещание командного состава польских и советских подразделений, освободивших этот городок три часа тому назад.

Расположение помещений было классическим для заведений подобного типа: первый этаж – ресторанчик с небольшим танцевальным пятачком у маленькой эстрады. Там же – небольшая закулисная часть, кухня, подсобные помещения для посуды, провизии и второй, «черный» выход в небольшой дворик, имеющий, в свою очередь, прямое сообщение с одним из переулков, прилегающих к площади.

На втором этаже размещался небольшой игорный зал с

одним большим столом для рулетки и несколькими столиками для игры в кости и карты. К игорному же зальчику при-
мыкали хозяйские апартаменты.

Сейчас нижний, ресторанный зал был разгромлен, и поэтому совещание происходило на втором этаже, в сохранившемся игорном зале. Старшие офицеры польских и советских войск стояли вокруг большого стола с рулеткой и слушали сообщение командира польской дивизии генерала Януша Голембовского. На польских мундирах смешались советские и польские ордена, на русских кителях и гимнастерках – польские и советские награды. Полтора года (а чего стоил каждый день!) они воевали вместе. Между ними уже давно не было никаких «межсоюзнических» дипломатических отношений, никто не стеснял себя в выборе выражений, когда дело не двигалось с места или шло наперекосяк.

На столе, рядом с рулеткой, стояло несколько полевых телефонов. Провода тянулись в окно. Молодой красивый парень – замполит польской дивизии подполковник Юзеф Андрушкевич – крутнул рулетку. Шарик побежал по кругу.

Генерал на полуслове прервал свое сообщение, грозно посмотрел на своего замполита и раздраженно спросил у начальника штаба советской дивизии:

- Куда вы нас запихнули? Что это такое?!
- Бывший ресторан, – спокойно ответил начальник штаба.
- Что, другого места не было? – разозлился полковник Сергеев.

Начальник штаба обиделся, промолчал. Во внезапно наступившей тишине слышно было, как бежал по кругу в рулетке шарик. Но так как в любой армии вопрос командира не может остаться без ответа, польский начальник разведки решил принять удар на себя.

– Штаб к вечеру будет перенесен в замок. Его сейчас разминируют, – доложил он.

– Чтобы через три часа было все в порядке! – приказал генерал и невольно проследил глазами за останавливающимся шариком. Теряя инерцию, шарик медленно перевалил через несколько номеров и замер в лунке, обозначенной цифрой "О".

– Зеро! Фантастическое везение!.. – восхищенно воскликнул подполковник Андрушкевич.

– Юзек! – взъярился генерал. – Чтоб тебя!.. Прекрати немедленно!

– Виноват.

– Итак! – сказал Голембовский. – Получен приказ остановить фронт на семьдесят два часа. Дать максимальный отдых всем подразделениям. Накопить силы перед решающим наступлением. Произвести переформировку там, где есть особенно большие потери личного состава. Принять пополнение. Перебросить танки вперед на исходные позиции для начала наступления. На время отдыха частей выставить боевое охранение. Обеспечить полное спокойствие этого участка... Из лагеря военнопленных освободить служащих союзных

армий и немедленно связаться с их командованием. Особое внимание обратить на прием пополнения, идут двадцать шестой и двадцать седьмой годы рождения – восемнадцатилетние парнишки. Распихать их по второму и третьему подразделениям. Сбереечь их любой ценой. Что сейчас самое главное? Что нужно сделать без проволоочки? Вода! Свет! Пекарня!.. Начальник тыла, слышишь?

– Так точно, товарищ генерал.

– Что с медслужбой? – спросил Сергеев.

– Медсанбат уже разворачивается. Только... – неуверенно ответил советский начмед и замялся.

– В чем дело? – резко спросил полковник Сергеев.

– Там у нас десятка полтора раненых немцев оказалось...

– Ну и что? – удивился генерал Голембовский.

– Я вот думаю, что с ними делать...

– Вы их сначала вылечите, а потом мы придумаем, что с ними делать, – жестко сказал полковник Сергеев. – Ваша обязанность – лечить раненых.

– Слушаюсь.

– Да! – вспомнил генерал. – И связь! Постоянная связь с командующим Первой армией Войска Польского и штабом Белорусского фронта. Начальник связи! Понятно?

– Так точно!

– Шкуру спущу, если связь будет прервана хоть на полчаса, – пообещал генерал.

Начальник связи улыбнулся.

– Я тебе поулыбаюсь, – без тени юмора сказал генерал. – Замполит! Тебе слово. Давай, Юзек. Что там у тебя?

– Политотдел армии просит немедленно организовать временную администрацию на возвращенных Польше землях. Ожидается большой приток переселенцев из-за Буга... Все это должно в конечном итоге лечь на плечи военных комендантов городов и гарнизонов.

– У вас есть кандидатура на пост коменданта города? – спросил его полковник Сергеев.

– Так точно, – ответил Андрушкевич. – Капитан Станишевский.

– Товарищ полковник, это тот Станишевский, который сегодня руководил захватом немецкого эшелона, – подсказал Сергееву начальник разведки.

Генерал Голембовский повернулся к адъютанту:

– Вызвать немедленно. Давайте его сюда!

Адъютант рванулся к двери, а генерал сказал Сергееву:

– Он у меня еще под Рязанью на формировке был. Хороший парень...

– Да знаю я Станишевского...

– И вы, Петр Семенович, давайте своего... Пусть они вместе и управляют.

– Хорошо, мы подумаем, – ответил Сергеев генералу. – Чем порадует начальник разведки?

– По нашей линии радостей немного. Не исключены отдельные хорошо вооруженные группировки противника, за-

стрывшие в наших тылах. Корпус войсковой безопасности Первой армии Войска Польского выделил нам два спецбатальона для контроля дорог. Именно эти три дня, когда наши войска станут на отдых, могут быть использованы противником для попыток прорыва. Это обязывает нас быть бдительными, как никогда... – с пафосом сказал начальник разведки.

В ту же секунду над головами у всех, на чердаке, что-то гроыхнуло, треснуло, покатилося со звоном, и в мгновенно наступившей тишине сверху явственно слышались чьи-то крадущиеся шаги.

Все испуганно посмотрели на потолок. Начальник разведки выхватил пистолет из кобуры и принял на себя командование:

– Всем отойти от окон. Встать у той стены!

– Ты только сам не трусь, – спокойно сказал Голембовский, но к стене отошел. – Возьми пару автоматчиков и проверь чердак. Кто там шляется?..

Начальник разведки рванулся к дверям, уже на лестнице раздался его резкий окрик, и сразу же по деревянным ступеням загрохотало несколько пар сапог. Почти одновременно с этим наверху слышалась какая то возня, чей-то сдавленный крик, ругань и снова топот сапог по лестнице.

Но если вверх по лестнице сапоги грохотали в тревожной спешке, то вниз они спускались с неторопливым, размеренным топотом. Уже по одному только лестничному скрипу под тяжелыми солдатскими сапогами можно было понять,

что задание выполнено и враг обезврежен.

Дверь распахнулась, и на пороге игорного зала появился слегка растерянный начальник разведки польской дивизии. Через все лицо у него шла багровая царапина. За ним два дюжих автоматчика ввели какое-то дикое, нелепое существо: длинная немецкая офицерская шинель до пят, по уши натянутая на голову вывернутая солдатская пилотка, лицо замотано шарфом...

– Эт-то еще что за чучело?! – рявкнул Голембовский и побагровел от злости.

– Абориген этого заведения, – упавшим голосом доложил начальник разведки.

«Абориген» вдруг рванулся, резко выдернул рукав из могучей лапы польского автоматчика, длинная немецкая офицерская шинель распахнулась, и все увидели тоненькие ножки в черных перекрученных чулочках на цветных подвязках, коротенькую несвежую шелковую комбинацию и стоптанные туфли на высоких каблуках.

Существо сдернуло с головы солдатскую пилотку, и по плечам, по воротнику немецкой офицерской шинели рассыпались прекрасные длинные девичьи волосы. Физиономия у «аборигена» была грязная, опухшая от сна и шнапса, но веселая и симпатичная. Девчонке было лет восемнадцать.

Она внимательно оглядела польских и советских офицеров и удивленно присвистнула. Потом чихнула, рассмеялась и сказала на плохом немецком языке:

– Ох, черт подери!.. Кажется, я проспала что-то очень важное! У кого-нибудь найдется закурить?

Все ошеломленно молчали. Андрушкевич первым пришел в себя и спросил ее по-немецки:

– Ты кто?

– А ты что, не видишь?

– Вижу, – улыбнулся замполит.

– Господи! У вас у всех одно на уме, – со вздохом проговорила девица и гордо запахла шинель. – К тому, о чем ты подумал, я не имею никакого отношения. В этом кабаре я всего лишь танцевала.

– Юзек, прекрати забавляться и гони ее отсюда к чертовой матери! – по-польски приказал генерал.

– Юзек! Генералов надо слушаться, – по-польски произнесла девица. – Но прежде чем меня выгнать, хорошо бы меня накормить.

Начальник штаба советской дивизии тронул за рукав Андрушкевича и по-русски попросил его:

– Спросите, пожалуйста, откуда она, как ее зовут и что она делала там, наверху...

Тут же, не дав Андрушкевичу открыть рот, девица поведала на чудовищном русском языке, что зовут ее Элиза, но можно и просто – Лиза, что она чешка из Градец-Кралове, а там... Она показала пальцем на потолок. Там она всего лишь спала. И тут же поинтересовалась, хорошо ли она говорит по-русски.

– Просто замечательно... – процедил сквозь зубы полковник Сергеев и вопросительно посмотрел на генерала.

В полной растерянности Голембовский пожал плечами и тупо вонзил взгляд в расцарапанную физиономию несчастного начальника разведки дивизии.

Но в это время в проеме двери показался запыхавшийся Анджей Станишевский и доложил:

– Товарищ генерал! Капитан Станишевский по вашему приказанию прибыл!

Лиза тут же обернулась на голос Станишевского, увидела Анджея и восхищенно всплеснула руками, отчего ее длинная шинель снова распахнулась. Не отрывая глаз от Станишевского, Лиза в восторге сказала по-чешски:

– Боже мой! Какие потрясающие мальчики воюют с этой стороны!

Ничего не понимая, Станишевский уставился на полуголую Лизу.

Этого Голембовский уже не мог выдержать. Нервы у него сдали, и он закричал так, словно поднимал свою дивизию в решающую атаку:

– Накормить и выгнать немедленно!!!

Через оптический прицел было хорошо видно, как от города к большому немецкому фольварку по проселочной дороге катил велосипедист. Человек, неотрывно следящий за велосипедистом через окуляр прицела, был почти спокоен. Однако помимо его воли дыхание у него вдруг стало неглу-

боким, частым, и от попытки остановить его тело человека затрясла мелкая и противная дрожь. Но это продолжалось всего каких-нибудь секунд тридцать – сорок. Вот уже стали различимы детали одежды велосипедиста – вязаная шапочка на голове, крестьянская куртка из грубого шинельного сукна, грязные короткие сапоги. Вот в прицеле стало узнаваемым его лицо – обросшее, залитое потом, напряженное. Глаза настороженны, стараются не смотреть на приближающийся фольварк...

Когда же взмокшая, измученная физиономия парня в вязаной шапочке, который только недавно болтался во время молебна на Рыночной площади, целиком заполнила весь оптический прицел, у человека, державшего карабин в руках, выровнялось дыхание. Он поставил затвор на предохранитель и облегченно произнес по немецки:

– Слава Богу! Я думал, он уже никогда не вернется.

В огромном подвале фольварка с низкого деревянного потолка свисали десятки копченых окороков. По стенам стояли аккуратные стеллажи с несметным количеством банок варенья, солений и прочими домашними заготовками хорошо налаженного богатого загородного дома.

На старом продавленном кожаном диване, внесенном в подвал, наверное, несколько лет тому назад, сейчас лежал пятидесятилетний командир специальной моторизованной дивизии СС Второй немецкой армии генерал Отто фон Мальдер.

С позавчерашнего дня у фон Мальдера не было никакой дивизии. Со вчерашнего дня не существовала на земле и вся Вторая армия. Последний сумасшедший бросок русских и поляков начисто ликвидировал мощную, казавшуюся незыблемой восточно-померанскую группировку немцев. Не помогли части, переброшенные на помощь Второй армии из Курляндии; куда-то исчезло подкрепление, которого так ждали из разных районов Германии, – личные резервы ставки...

Обе ноги фон Мальдера были искромсаны, – его бронированный «хорх» уходил от русских по своему минному коридору и подорвался, не пройдя и двухсот метров. Левую ступню фон Мальдеру срезало как бритвой. Вторая нога была буквально нафарширована осколками. Он потерял много крови. перевязки делались неопытными руками, причиняли массу страданий и, кажется, привели к сепсису.

Вместе с фон Мальдером в окружение попали пятьдесят три офицера его дивизии. Назвать это «окружением» было бы большой натяжкой. Скованная неподвижным, тяжело раненным генералом, потеряв какие-либо средства передвижения, группа просто-напросто не смогла вовремя выскочить за линию фронта и оказалась в тылу у поляков и русских. Она укрылась в доме одной состоятельной немецкой семьи, не успевшей (или не захотевшей) эвакуироваться. Глава дома – старый вояка Первой мировой войны – счел за честь принять под свою крышу фон Мальдера и всю его группу.

Среди пятидесяти трех офицеров дивизии были два сотрудника армейской спецслужбы. Однако в создавшейся ситуации командование группой принял на себя очень близкий фон Мальдеру человек – гауптман Герберт Квидде. Белокурый, с красивым, тонким, почти женским лицом, Герберт происходил из старопрусской образованной семьи и был беззаветно предан генералу. Когда-то, лет шесть тому назад, когда фон Мальдер еще служил во Франции, неподалеку от Парижа, в Фонтенбло, в штабе главного командования сухопутных сил германской оккупационной армии, он заметил в одном из отделов юного Герберта Квидде и предложил ему стать у него адъютантом. Квидде с восторгом согласился. С тех пор они не расставались.

– Нужно уходить в лес и ждать любой возможности прорыва. Уже сегодня к вечеру они начнут обшаривать все окрестные фольварки в поисках провианта и обязательно наткнутся на нас, – почтительно и твердо говорил обросший молодой парень в вязаной шапочке и куртке из грубого шинельного сукна – один из двоих сотрудников дивизионной спецслужбы.

– Спасибо, лейтенант... – с трудом проговорил генерал.

Он тяжело и прерывисто дышал. У него была высокая температура. Мундир расстегнут, мокрая рубашка голландского полотна прилипла к телу. Малейшее движение причиняло нестерпимую боль.

Вокруг него стояли человек тридцать офицеров – издер-

ганных и измученных страхом людей. Остальные охраняли фольварк снаружи. У постели генерала сидел ласковый, спокойный и чисто выбритый Герберт Квидде. Он вытирал лицо генерала, мокрое от изнурительных болей, успокаивающе гладил ему руку и время от времени подносил ко рту фон Мальдера кружку с водой.

Лейтенант в вязаной шапочке снял грубую крестьянскую куртку. На спине у него оказался короткий «шмайсер». На брючном ремне висели две осколочные фанаты. Из кармана торчал «парабеллум».

– Герберт... – хрипло сказал генерал. – В этом городишке была вилла генерала фон Бризена, моего старого товарища. Он уже давно ушел в отставку и жил здесь почти безвыездно...

– Надеюсь, он успел эвакуироваться, – заметил Квидде и погладил руку генерала.

– Я тоже надеюсь... Но почему-то мне кажется, что его управляющий, господин Аксман... господин Зигфрид Аксман может быть еще здесь... Не связаться ли с ним? Это очень порядочный человек.

– Хорошо, господин генерал. Мы попытаемся сделать все. Пятьдесят три офицера войск СС – это серьезная ударная сила.

Квидде нежно склонился к генералу и негромко, но так, чтобы слышали все стоящие вокруг, сказал:

– Они получили три дня на отдых. Отдых расслабляет,

успокаивает... Именно в эти три дня мы должны прорваться к своим.

– Да, да, мой мальчик... Конечно, конечно... Ты прав, – устало согласился генерал и прикрыл глаза.

И почему-то вспомнил Италию... Он влюбился в эту страну, в этот благословенный и солнечный край, в еще гимназические времена. Он зачитывался книгами Якоба Буркхардта, искусствоведческими статьями Зигфрида Лилиентала, писавшего тогда под псевдонимом «Фриц Шталь». Сколько удивительного открыли ему «История папства» Ранке и «Путешествия по Италии» Гёте! И как это ему чертовски помогло, когда он впервые попал в Италию... И в то же время он увидел современный фашистский Рим, поставивший себе непосильную задачу – восстановить былую империю. Ему довелось наблюдать парады и митинги фашистов в Риме, Флоренции... Тогда, в его первый приезд в Италию – в 1927 году, он склонен был видеть в них лишь проявления известного пристрастия южан к театральным эффектам. Ему припомнилось, что в Сицилии его особенно раздражал безвкусный памятник Конрадину – последнему королю Сицилии из немецкой династии Гогенштауфенов. А гробница германского императора Фридриха Второго в Палермском соборе напоминала о трагической попытке сделать Сицилию центром могучей германо-итальянской империи...

... Сейчас, лежа на старом продавленном диване в холодном и полутемном подвале фольварка, добротнo воздвигну-

того на старопольской земле, он, Отто фон Мальдер, бывший командир бывшей моторизованной дивизии СС бывшей Второй немецкой армии, подумал о том, что и тоскливый памятник Конрадину в Сицилии и гробница Фридриха в Палермо – это символы краха Великой Германии, начавшегося несколько веков тому назад. Полный распад завершится, наверное, недель через семь-восемь.

– Господин генерал, – сказал лейтенант в вязаной шапочке, – я хотел бы добавить: они ждут приема пополнения.

– Пополнение пришло! К нам пришло пополнение!

– Где пополнение-то?

– А вона!.. В воротах стоит, войти пугается. Эй, зайчик, не бойся, мы бабешки добрые!..

Крепкие молоденькие девахи в белых халатах и косынках – санитарки и сестры медсанбата, побросав работу, высунулись в открытые окна второго этажа.

В проеме сорванных с петель ворот стоял юный солдатик в необмятой новенькой форме. Тонкая шея выглядывала из большого воротника гимнастерки, словно пестик из ступки. Из-за широких голенищ новых кирзовых сапог высывались концы неумело намотанных портянок. Командировочное предписание, продовольственный и вещевой аттестат, то есть все документы, необходимые «для прохождения дальнейшей службы», он держал в левой руке. Правая рука готова была козырять кому угодно по любому поводу.

Во дворе бывшей двухэтажной городской больнички сту-

чал бензиновый движок с генератором – давал ток в одну из комнат. Оттуда час тому назад выбросили все барахло, вымыли пол карболкой, повесили большую лампу над жесткой каталкой и наспех сотворили помещение для срочных, неотложных операций.

По коридорам таскали койки, медицинское оборудование, переносили раненых, мыли окна. Медсанбат привычно осваивал новое местожительство.

У добротного каменного каретника с крепким навесом – несколько санбатовских автомобилей. Вместе с автомобилями под навесом стояла уже и бричка с деревянной бочкой для воды, а рядом с бричкой – меланхолично жующая коняга неопределенной масти. Под открытым капотом «доджа» возился шофер Васильевой – Мишка, одетый в гестаповский мундир вместо спецовки. Мишка был несусветно грязен, и из-под капота «доджа» время от времени доносился его недоуменный матерок. Что-то у него там не ладилось. А может быть, Мишка еще не совсем постиг американскую технику. Неподалеку от него строчил на ножной швейной машинке пожилой санитар в очках. Ставил заплаты на простыни и наволочки. Легкораненые помогали санбатовским таскать разное барахло и необходимое оборудование.

Все были заняты, и обратиться новобранцу было не к кому. А на окна второго этажа, откуда его откровенно разглядывали девчонки в белых халатах, он просто боялся поднять глаза.

– Худенький-то какой, Господи... – слышалось оттуда.

– Как к нам, так обязательно какого-нибудь завалященького...

Вышла на крыльцо майор Васильева, стянула маску с лица и глубоко вдохнула холодный весенний воздух. Лицо ее было мокрым, усталым. Халат заляпан кровью, руки в резиновых перчатках. Оглядела потухшими глазами двор, суетню и обессиленно присела на ступеньки крыльца.

Из окна второго этажа раздался крик старшей операционной сестры, младшего лейтенанта медицинской службы Зинки Ивановой:

– Мишаня! Глуши движок! Кончили...

Мишка негромко матюкнулся, вылез из-под капота «дожда» и вразвалочку направился к движку, ветошью вытирая на ходу руки. Наклонился над движком, перекрыл краник бензоподачи и выключил зажигание. И во дворе наступила тишина.

– Степа! Невинный!.. – негромко позвала Васильева.

– Уже, уже, уже!..

В кургузом халатике огромный Невинный выскочил на крыльцо, держа в руках крышку от большого стерилизатора. Там были аккуратно разложены пинцет, папиросы, спички. Как на подносе, стояла роскошная чашка с кофе.

Не снимая резиновых перчаток, Васильева взяла пинцет, достала им из пачки папиросу. Невинный поставил крышку стерилизатора на верхнюю ступеньку крыльца, взял спички

и дал Васильевой прикурить. Васильева с наслаждением затянулась.

Невинный осторожно приподнял чашку с кофе и протянул ее Васильевой, элегантно отставив в сторону свой толстенный мизинец. Это был давно сложившийся ритуал. Когда кофе не было, подавался крепчайшей заварки чай.

– Пальчик-то убери, – сказала Васильева. – Сколько тебе говорить можно?

Невинный испуганно поджал мизинец. Васильева взяла у него чашку, внимательно разглядела ее и отхлебнула кофе.

– Знатное пойло, Степочка. А где ты чашку такую раздобыл?

– Там же, где и кофе, Екатерина Сергеевна.

– От куркуль! – возмутился шофер Мишка и высунулся из-под капота «доджа». – Вы заметили, товарищ майор, он же никогда прямо не ответит!

– А тебе это вообще знать не положено, – огрызнулся Невинный. – Кофе трофейный – только для хирургов. Я, например, тебя не спрашиваю, откуда ты этот «додж» слямзил...

Мишка презрительно сплюнул и увидел новобранца в проеме ворот:

– Ну, чего стоишь? Иди докладывай товарищу майору.

Печатая шаг, новобранец подошел к Невинному:

– Товарищ майор, рядовой...

Мишка оскорбительно захохотал. Новобранец смешался

и замолчал. Невинный зыркнул на Мишку недобрым глазом, указал новобранцу на Васильеву и сказал:

– Вона где товарищ майор. Я покаместь старшина.

Солдатик недоверчиво уставился на Васильеву, сидящую на ступеньках крыльца.

– Товарищ майор... Рядовой Кошечкин прибыл для дальнейшего прохождения службы, – уныло доложил новобранец.

Васильева затянулась папироской, оглядела солдата с головы до ног.

– Ко-шеч-кин... – произнесла она отдельно и впервые улыбнулась. – А зовут как?

– Владимир Николаевич.

– Носом не вырос, – усмехнулась Васильева. – Ну какой ты Владимир Николаевич? Ты еще – Вовик... Вова. Владимиром Николаевичем ты уже после войны станешь. А пока – в распоряжение старшины Невинного. Он тебя и на довольствие поставит, и к делу пристроит. Понял?

– Так точно...

В окне второго этажа шел «свой» разговор:

– Хоть бы одного толкового мужика прислали!

– А по мне, так ничего. – Старшая сестра Зинка оценивающе разглядывала молоденького Вову Кошечкина. – Его малость подкормить – с ним еще и жить можно.

– Такого учить – руки отвалятся.

– Только время переводить.

– Кому что, девоньки. – И Зинка закричала вниз: – Екатерина Сергеевна! Того фрица с раздробленным локтевым суставом готовить к ампутации?

– Готовь! – Васильева отхлебнула из чашки.

– Наркоз местный, общий? – вопила Зинка со второго этажа.

– Местный, местный! У него сердечко паршивое, – ответила Васильева. – А ты, Вовик, отдай все свои бумажечки старшине Невинному, Степану Андреевичу. И давай включайся...

– Куда? – тупо спросил Кошечкин.

– В общественно полезную деятельность нашего здорового и замечательного коллектива. Чему тебя в школе учили? Забирай его, Степа.

– Пошли, Котечкин, – строго произнес Невинный.

– Кошечкин... – упавшим голосом поправил его новобранец.

– Ну Кошечкин, – согласился Невинный. – Айда...

Но тот стоял и не двигался.

– Ты чего? – спросила Васильева. – Иди со старшиной.

– А где мне оружие получить, товарищ майор? – вдруг напряженно спросил Кошечкин.

– Какое оружие?!

– Ну... Воевать.

– А-а-а... – поняла Васильева. – Иди. Без тебя обойдутся.

– То есть как?! – тоненько выкрикнул Вова Кошечкин и

чуть не заплакал. – Товарищ майор! Я же воевать прибыл!.. Я же...

– Ты мне тут истерики не закатывай, – резко проговорила Васильева. – Марш отсюда! Кру-гом!

И в эту секунду во двор санитарного батальона на полном ходу влетел «виллис» с белым польским орлом на боку. Из него выпрыгнул капитан Станишевский и бросился к Васильевой:

– Катя! Екатерина Сергеевна! Товарищ майор!..

– Станишевский! – Васильева допила кофе и отбросила в сторону окурков. – Живой?!

Станишевский даже не дал Васильевой подняться со ступенек. Он опустился перед ней на колени и стал целовать ее руки в резиновых хирургических перчатках. Она рассмеялась и прижала его голову к своей груди.

– Ендрусь!.. Живой... – Васильева счастливо и удивленно покачала головой: – Вот уж не чаяла.

Мишка наглухо застегнул свой гестаповский голубой мундир и деловито полез под капот «доджа». Пожилой солдат остервенело застрочил на швейной машинке. Сестры и санитарки медленно и неохотно отлипли от подоконников второго этажа. Шофер Станишевского с преувеличенной тщательностью стал протирать лобовое стекло своего «виллиса». Старшина Невинный осторожно дернул новобранца за рукав.

Ошеломленный Кошечкин этого даже не почувствовал.

Он стоял и не мог оторвать глаз от Васильевой и Станишевского. То, что сейчас происходило, казалось ему невероятным! При всех!.. С иностранцем! Они с ума сошли, что ли?! Она же майор! Вот это да!..

Васильева подняла руками голову Станишевского, ласково заглянула ему в лицо.

– Как же я давно не видела тебя, кавалер ты мой верный, Андрюшенька...

Посмотрела поверх его головы на потрясенного Кошечкина и, не меняя интонации, нежно произнесла:

– Вовик... Ну что ты стоишь, как памятник? Я же сказала тебе – иди со старшиной Невинным. Иди, иди.

– А оружие?.. – еще на что-то надеясь, потерянно прошептал Кошечкин.

Но этого Васильева уже не слышала.

Лагерь для военнопленных американцев, англичан, французов, а в последнее время и для итальянцев находился почти в самом городке. Вернее, на выезде из него.

Четыре длинных одноэтажных барака, несколько небольших корпусов различных служб, двухэтажное кирпичное здание – казарма немецкого батальона лагерной охраны – и внушительный, вытоптанный до бетонной жесткости плац для построений. Весь этот «комплекс» был окружен тремя рядами колючей проволоки, а по всему периметру забора, на шести углах, стояло шесть наблюдательных вышек с прожекторами. Помимо прожекторов, на вышках были сооружены

небольшие огороженные площадочки под маленькими четырехугольными крышами, под которыми от дождя и ветра спасались часовые, охранявшие лагерь. С земли к этим площадочкам шли аккуратные лестницы с перилами. Все шесть вышек соединялись телефонной связью с караульным помещением и службой коменданта лагеря.

Сейчас вышки пустовали, колючая проволока была в нескольких местах порвана и смята – здесь добротнo поработали польские и советские танки. В одном месте, словно гигантская муха, запутавшаяся в паутине, в клубке колючей проволоки застрял полусгоревший немецкий штабной автомобиль. Из него неподвижно свисали чьи-то руки, головы, ноги... Видимо, в последнюю секунду машина с немцами предприняла отчаянную попытку прорваться с ходу, но одолеть собственный забор ей так и не удалось.

Это был так называемый офлаг – офицерский лагерь. Бараки строго разграничены: в одном жили американцы, во втором – англичане, в третьем – французы, а четвертый с недавнего времени, как только Италия вышла из войны, заполняли итальянцы. Перестав быть союзниками немцев, они тотчас были объявлены врагами Германии. В лагерях им жилось труднее, чем всем остальным, так как если американцы, французы и англичане были спаяны союзническими отношениями, то итальянцы – недавние противники тех же американцев – в эту категорию никак не вписывались. Однако следует заметить, что по сравнению с лагерями для пленных

русских даже итальянцы жили словно в раю...

В офлаге каждый барак имел свой выборный комитет самоуправления, который напрямую связывался с немецким командованием лагеря. Через своих представителей пленные могли жаловаться администрации лагеря на недоброкачество пищи, на нарушение санитарных условий, на несоблюдение международных правил содержания военнопленных. Все это достаточно мирно обсуждалось лагерным начальством вместе с представителями комитетов военнопленных, и большая часть требований удовлетворялась. Это делалось с точным расчетом на возможный неблагоприятный для них конец войны...

Но все-таки это была тюрьма, где попытка к бегству каралась смертью.

... О том, что русские и поляки будут торжественно освобождать военнопленных союзников, городок узнал моментально. Когда командование советской и польской дивизий вместе с переводчиками прибыло к лагерю, вокруг него собрались уже несколько сотен местных жителей и, пожалуй, столько же советских и польских солдат. Казалось, вся Рыночная площадь перекочевала сюда, чтобы продолжить праздник. Это впечатление подкрепляло еще и то обстоятельство, что уличный оркестрик – гитара, барабан, аккордеон, труба и кларнет – тоже оказался здесь и трудился в поте лица своего, громко, но не очень стройно наяривая старые польские мелодии...

Местные мальчишки перекрикивались с пленными американцами, итальянцами, французами и англичанами через проволоку. Многие из них уже давно знали друг друга по разным мелким коммерческим операциям.

Отделение саперов лихорадочно забивало последние гвозди в наспех сооруженную трибуну. Пленные с гамом и хохотом строились в колонны по барачно-национальному признаку. Старшие офицеры из числа военнопленных сорвали глотки, уговаривая своих возбужденных солагерников уgomониться.

Шум и гогот в колоннах прекратился сам собой, как только командование советской и польской дивизий стало подниматься на трибуну.

– Не рухнем? – спросил полковник Сергеев у командира отделения саперов, строивших трибуну.

– Что вы, товарищ полковник! Куды оно денется? Хоть роту грузите.

– Ну смотри. А то стыда не оберемся.

– Никак нет, товарищ полковник. Все будет в лучшем виде.

Вместе с командованием на трибуну поднялись три переводчика: щеголеватый подпоручник из штаба Первой армии, знавший английский язык, младший лейтенант Красной Армии, очень хорошенькая девушка, переводчица с польского и французского, и старик из местных – бывший управляющий имением какого-то отставного немецкого генерала. Он

должен был переводить на итальянский.

Внизу у трибуны пристроились два журналиста из фронтовой газеты и один фотокорреспондент – небольшого роста, живой, смуглый человечек в польской военной форме без знаков различия.

Уже когда все стояли на трибуне и генерал Голембовский, подняв глаза к небу, пытался повторить в уме то, что ему предстояло сейчас сказать вслух, к лагерю подлетел «виллис» Станишевского. Анджей выпрыгнул из машины и продрался сквозь толпу к трибуне, прилагая все усилия к тому, чтобы никто не заметил его опоздания. Никто и не заметил. Кроме замполита Юзефа Андрушкевича, который погрозил ему кулаком и жестом приказал подняться на трибуну. Анджей поднялся и спросил шепотом:

– Разрешите присутствовать?

– Ты где был? – грозно прошипел Андрушкевич.

Можно было соврать что угодно. В любом другом случае Станишевский мгновенно что-нибудь выдумал бы. В сегодняшних условиях любой треп выглядел бы абсолютно достоверно и оправдаться за опоздание не представляло никакого труда. Но Станишевского буквально распирало от радости встречи с Катей Васильевой, и он сказал просто:

– У женщины, товарищ подполковник.

Замполит дивизии был старше Станишевского всего на один год. Он был красив, силен и сам с нескрываемым удовольствием пользовался успехом у лучшей половины чело-

вечества. В глазах Андрушкевича на мгновение мелькнула зависть, сменившаяся истинно мужским уважением.

– У кого был? Рассказывай.

Станишевский счастливо расплылся:

– Я был у женщины, в которую влюблен уже полтора года. Нет! Больше!.. Почти два. И безуспешно.

– Чему же ты радуешься? – потеряв к истории всякий интерес, презрительно спросил замполит.

– Тому, что встретил ее.

Но тут генерал Голембовский собрался с духом, откашлялся и зычно закричал с трибуны, обращаясь к четверем замершим колоннам – американской, французской, английской и итальянской:

– Дорогие друзья! Союзники! Мы – представители Первой армии Войска Польского и советских войск Белорусского фронта... – Генерал прервал сам себя и приказал переводчикам: – Переведите.

Три переводчика одновременно закричали на весь плац по-английски, по-французски и по-итальянски. Три языка смешались в кучу малу, и гражданским полякам, пришедшим к лагерю на праздник освобождения, это показалось смешным. Толпа рассмеялась.

Но колонны союзников стояли не шелохнувшись, и никто из них не поддержал веселья толпы. Каждый внимательно вслушивался в слова, обращенные лично к нему, боясь что-либо пропустить или чего-нибудь не расслышать. И толпа

прекратила смеяться...

– Мы счастливы приветствовать ваше освобождение из плена! – крикнул Голембовский. – Мы знаем, как храбро сражались солдаты Соединенных Штатов Америки, нам известно мужество британских вооруженных сил, мы никогда не забудем отважных французских патриотов... Мы приветствуем итальянские войска, вышедшие из войны!

Когда переводчики перевели все, что прокричал Голембовский, все четыре колонны приветственно завопили, а толпа из местных жителей, русских и польских солдат восторженно закричала, зааплодировала.

Наконец Голембовский смог продолжить речь:

– Считаю своей обязанностью сообщить вам, что как только мы закончим переформировку наших частей, транспортные средства ваших войск получают возможность прибыть за вами сюда. От имени советского и польского командования я обещаю вам, что в течение ближайшей недели вы все будете отправлены к местам расположения ваших войск!..

Снова на трех языках закричали переводчики, снова завопили бывшие военнопленные. Маленький оркестрик заполнял паузы в речи генерала – играл разные мелодии, от «Марсельезы» до «Типперери». Смуглый человечек в польской форме, обвешанный фотоаппаратами, щелкал своими камерами всех подряд – и союзников, и начальство, и оркестрик, и городской народ. Мальчишки совсем спятили: пробрались на территорию лагеря, облепили трибуну, шныря-

ли по колоннам союзников, выплясывали перед объективом фотографа...

Но тут произошло неожиданное: толпа перед лагерем вдруг стала затихать и медленно раздвигаться на две половины, образуя живой коридор, ведущий прямо к воротам лагеря. По этому «коридору» боком вытанцовывал роскошный белый жеребец, на котором горделиво восседал старший лейтенант Валера Зайцев.

Сразу же за хвостом Валеркиного жеребца шел пленный немецкий полковник с моноклем в глазу. За полковником, не глядя по сторонам, следовали двенадцать немецких офицеров. За офицерами медленно двигалась колонна «тотальников» из утреннего эшелона. Они шли, низко опустив головы. Пленных немцев сопровождал советский конвой на лошадях.

Маленький фотограф тут же перевел свой объектив на немцев и, конечно, на Валерку Зайцева. Валерка вел себя достойно: старался не смотреть в аппарат и вообще изображал на лице некоторую скуку, дескать, работа привычная, будничная, чуть ли не каждый день города берем... Однако внутри его распирало от тщеславия. Он сам придумал весь этот спектакль – привести пленных немцев в лагерь именно в момент освобождения союзников из этого лагеря. Час тому назад он посвятил в свой замысел Анджея Станишевского, горячо доказывая ему, как коменданту города, всю важность такого «политического момента», всю грандиозность «сим-

волического обобщения», всю необходимость этого замечательного «агитационно-пропагандистского»... И так далее и так далее...

Станишевский слушал его вполуха, так как к моменту возникновения этой глобальной идеи в голове Зайцева он, Станишевский, уже знал, где расположился советский медсанбат, и ни во что не желал вникать, торопился только туда. Поэтому он, как комендант города, послал Зайцева ко всем чертям и тем самым предоставил ему свободу действий.

Теперь общее внимание было приковано только к немцам.

На них смотрели все: освобожденные союзники, ошарашенное командование двух дивизий, замершая толпа местных жителей и суровые ребята – русские и польские солдаты, которым испортили праздник. Немцы шли в гнетущей тишине, только нервно всхрапывал белый жеребец под Валеркой Зайцевым.

Все это так неожиданно, можно сказать, злостно нарушало торжественность долгожданной акции – освобождения союзников, что полковник Сергеев прямо-таки зашелся от злости!

– Зайцев! – гаркнул он. – Ты что здесь цирк устроил?! Ты куда их ведешь?

Зайцев придержал коня, вытянулся в седле:

– В плен, товарищ полковник! В этот же лагерь.

– Кто разрешил?!

Нужно было срочно спасти Валерку от гнева командира

дивизии, и Анджей Станишевский быстро сказал:

– Виноват, товарищ полковник... Это я приказал Зайцеву занять барак под немцев. Англичан и американцев пока переселить до отправки в один барак. Вы видите, их там немного. Поместятся...

Голембовский переглянулся с Сергеевым и спросил у Станишевского:

– Этот Зайцев был с тобой утром на вокзале?

– Так точно.

– Он немецкого полковника взял?

Анджей улыбнулся, ответил немедленно:

– Так точно. Он.

Антракт затягивался. Сотни людей из семи государств стояли и ждали следующего действия. Но сейчас генералу Голембовскому было на это наплевать. Подождут. Теперь-то ждать просто.

Выручил всех Юзеф Андрушкевич – замполит польской дивизии. Он решил, что лучший способ отвести кары небесные от повинной головы Валерки Зайцева – это внести какое угодно контрпредложение, уводящее историю в совершенно другую сторону. Он и сказал Сергееву:

– А что, Петр Семенович, может, комендантом с советской стороны назначить этого красавца? – Он показал на Зайцева и незаметно толкнул коленом генерала Голембовского.

– Правильно! – тут же сказал генерал. – Раз уж они сего-

дня вместе на вокзале работали, пусть и дальше идут плечом к плечу...

По инерции генерала все еще тянуло на высокопарность стиля.

Сергеев недобро посмотрел на Зайцева:

– Слезай с коня! Наездник... Пойдешь помощником к капитану Станишевскому.

– Слушаюсь! – Валера прыгнул с белого жеребца и протяжно крикнул: – Старший сержант Светличный! Принять конвой!..

Из хвоста колонны подскочил на каурой кобылке молодцеватый Светличный, подхватил под уздцы белого жеребца.

– Есть принять конвой! – И скомандовал немцам: – Форвертс! Трогай!..

Генерал Отто фон Мальдер был уже перенесен из подвала наверх и лежал теперь на носилках в самой большой комнате хозяйского дома, увешанной безвкусными выцветшими литографиями.

Боли не прекращались ни на секунду. Они то затихали, становились почти привычными, и тогда фон Мальдер получал возможность понимать и оценивать происходящее вокруг, говорить, отвечать. То вдруг следовал такой болевой всплеск, который начисто лишал его рассудка, слуха, речи, воли... Нет, нет! Пожалуй, только воля и оставалась. Иначе все окружавшие Отто фон Мальдера должны были бы услышать дикий, животный крик отчаяния и полной безысходно-

сти. Но он молчал. Молча терял сознание, а когда болевой взрыв оседал, так же молча приходил в себя. У него почти не спадала температура, не утихала жажда. Дыхание было поверхностным и частым. Гауптман Квидде не отходил от него ни на минуту.

Сейчас Квидде сидел на корточках у самых носилок, держал в своих руках сухую горячую руку генерала и смотрел снизу вверх на хозяина дома и его семью.

– У меня просто не хватает слов, чтобы выразить нашу признательность за все, что вы для нас сделали, дорогой герр Циглер, – говорил он.

Перед ним стояли хозяин фольварка, его испуганная жена, его мать, древняя, глухая, неопрятная старуха, и дочь, некрасивая перезрелая девица, страдающая насморком.

Они стояли у стены, на фоне большой фотографии сына хозяйки, похожего на сестру своей невыразительностью и бесцветностью. Сын герра Циглера был в форме обер-лейтенанта немецкой армии.

У дверей замерли в молчании два сотрудника абвера – лейтенант в вязаной шапочке и куртке из грубого шинельного сукна и мрачноватый верзила в русском ватнике, с Железным крестом на шее. За спиной у верзилы, словно у охотника – стволом вниз, висела снайперская винтовка с оптическим прицелом. На груди – «шмайсер».

В открытые настежь двери было видно, как обросшие, обтрепанные офицеры фон Мальдера выносили оружие, бое-

припасы, мешки с продовольствием. Слышались негромкие команды, короткие приказания – отряд спешно готовился к уходу в лес. Не было никакой суеты, беспорядочности, метаний. Все предельно четко, организовано. Чувствовались профессионализм и добротная выучка кадровых военных, которые в тревожной и опасной ситуации без тени сомнения пойдут на все.

– Мы не имеем права подвергать опасности ни вас, ни вашу семью, ни господина генерала, – сказал Квидде. – Позвольте еще раз поблагодарить вас за приют и добрый совет – я имею в виду лесной бункер, который вы нам показали...

На глаза герра Циглера навернулись слезы.

– Это был наш долг, – сказал он и обвел рукой всю свою семью, включая и портрет сына на стене.

Жена и дочь Циглера поспешно закивали головами в знак полного согласия. Старуха ничего не услышала и не поняла, кроме того, что нужно с чем-то немедленно согласиться. Она затрясла своей сухонькой головкой, внимательно глядя на сына – правильно ли она поступает.

Генерал превозмог боль и дурноту, приподнялся на локте и даже попытался улыбнуться Циглеру:

– Если я останусь жив, Пауль, я этого никогда не забуду...

– Я буду счастлив увидеть вас снова живым и здоровым, господин генерал, – поклонился Циглер.

Один за другим офицеры неслышно выскальзывали из дому. Во дворе зарычала и залаяла собака. Циглер виновато

сказал:

– Она привязана.

– Ничего страшного, – ласково успокоил его Квидде. – Собака ведь может лаять по любому поводу, не правда ли?..

Он посмотрел на верзилу со снайперской винтовкой и наклонил голову. Тот сделал знак четверым офицерам, стоявшим за дверьми. Они тут же вошли в комнату и встали у носилок с генералом. Квидде встал в полный рост.

– Прощайте, Пауль, – сказал генерал. – И да хранит вас Бог.

– Мы будем ждать вас... Мы надеемся... – Голос Циглера дрогнул, и он бросил взгляд на фотографию сына. – Если когда-нибудь вы увидите нашего мальчика...

– Я обещаю вам, Пауль... – Генерал обессиленно откинул голову на носилки. – Герберт, вы записали номер части оберлейтенанта?

– Конечно, конечно, – улыбнулся капитан Квидде.

Он дал знак четверым офицерам поднять носилки. Лейтенант в вязаной шапочке и верзила в русском ватнике неотрывно смотрели на Герберта Квидде.

– Вперед, – скомандовал Квидде офицерам, и те осторожно понесли генерала к дверям.

Сам Квидде, лейтенант в шапочке и верзила в ватнике на секунду задержались...

Немцы бесшумно скользили в редком перелеске. Лес был уже совсем близко, а там, в его спасительной сумрачной и

сырой глубине, находился мало кому известный огромный заброшенный каменный бункер, построенный еще во время Первой мировой войны. В нем свободно могли разместиться несколько десятков человек. Герр Циглер сам проводил капитана Квидде утром к этому бункеру и показал наиболее безопасную к нему дорогу.

Генерала несли осторожно, пригибаясь, стараясь двигаться плавно, неслышно. Повинуясь только знакам, беззвучно менялись четверками на ходу. Освобожденные от носилок разминали натруженные, скрюченные кисти рук, занимали свое место в охране, положив горящие стертые ладони на приклады автоматов. И все без единой остановки, без малейшей задержки.

– Где Квидде? – обеспокоенно спросил генерал и беспомощно оглянулся, но ничего не увидел, кроме голого, мелькавшего мимо него кустарника.

– Не волнуйтесь, господин генерал... Он сейчас догонит нас... – срывающимся от усталости голосом ответил кто-то.

Спустя несколько минут откуда-то со стороны к носилкам с генералом бесшумно пристроились гауптман, лейтенант в вязаной шапочке и молчаливый верзила.

– Герберт... Мой дорогой... Почему же ты отстал? Уж не загляделся ли ты на дочку хозяина? – спросил Отто фон Мальдер.

Квидде на ходу наклонился, почтительно поцеловал руку генерала и тихо произнес:

– Вы же знаете, что я не заглядываюсь на женщин.

Фон Мальдер ласково улыбнулся и погладил белокурого гауптмана по лицу. В такт шагам над ним колыхались серые, низкие, чужие облака. Они медленно уплывали назад, уступая место еще более серым, низким и плотным, без единого просвета, без малейшего клочка небесной голубизны... Он вспомнил яркую, теплую синь итальянского неба и закрыл глаза. Ему причудилась Венеция, покачивающаяся гондола, нежная россыпь мандолины и почему-то еле слышный собачий лай...

Во дворе фольварка герра Циглера огромный пес захлебывался злобным хриплым лаем. Он был привязан коротким сыромятным ремнем к небольшому колесному трактору и рвался как безумный. В ярости он грыз ремень, становился на задние лапы, крутил головой, хрипел в ошейнике, передними лапами старался стащить ошейник через голову и снова начинал грызть сыромятину.

Наконец ремень не выдержал и лопнул. Гигантскими прыжками собака помчалась к хозяйскому дому. У самых дверей она словно наткнулась на невидимую преграду. Шерсть на загривке у нее встала дыбом, она попятилась, и злобное рычание неожиданно перешло в жалобный, испуганный щенячий визг.

Из-под тяжелых дубовых дверей на каменные ступени медленно растекалась кровавая лужа. Пес заскулил, закрутился, стараясь не ступить в эту лужу, а затем уперся перед-

ними лапами в тяжелую дверь и распахнул ее, как делал это, наверное, сотни раз.

По проселочной дороге катился открытый трофейный «опель-адмирал». В нем рядом с шофером сидел командир танкового полка майор Мечислав Шарейко. Он был в комбинезоне и шлемофоне – только что пересел из головного танка в свою машину. Между ног у него стояла обычная танковая рация двусторонней связи с длинной антенной.

За ним шли его танки на исходные позиции для будущего наступления. Дел у Шарейко было до черта – нужно вывести танки на исходные, рассредоточить их, замаскировать, обеспечить личный состав питанием, ночлегом... Да мало ли дел у командира танкового полка, которому еще смерть как хочется вернуться в город хотя бы к вечеру!

По обочинам дороги тянулись повозки с переселенцами и беженцами. Плакали дети, кричали женщины, переругивались хозяева повозок. Шли по дороге оборванные югославы, болгары, венгры. Брела из концлагеря стайка еврейских женщин, закутанных в какие-то невообразимые лохмотья...

Шел русский солдат из плена. Тощий, землистый, с седой клочковатой щетиной на впалых щеках. Не было у него ничего, кроме старой расхристанной шинели без хлястика и погон на плечах, а в руке – скрипка без смычка. Шел солдат и с каменным лицом тренькал на скрипке, словно на балалаике: «Ах ты сукин сын, камаринский мужик...» В застывших блеклых глазах – тоска смертная. Хоть и выжил, хоть

и музыка есть, хоть и к своим возвращается. Что-то теперь будет?..

Рядом с ним медленно, стараясь не обогнать, ехал на велосипеде трубочист из лужицких сербов. Был он в черном цилиндре, в черных штанах и старом черном курцфраке. И со всеми своими профессиональными инструментами – метелкой, гирей на длинной веревке, ковшом для выгребания сажи на складной ручке... Все пытался втолковать русскому солдатику, что он не немец, а серб. Но «лужицкий». Они тут уже лет триста живут, в районе Одры и Шпрее. Дескать, тоже славянин и очень хорошо понимает...

Но солдатик молчал, все только вперед смотрел пустыми исплаканными глазами. И шел. «Ах ты сукин сын, камаринский мужик...» Что же теперь с тобой будет?..

Но и скрип повозок, и плач детей, и ругань, и песни, и болтовня лужицкого серба – все тонуло в могучем танковом грохоте. Сквозь него были только слышны время от времени далекие орудийные раскаты. Там, впереди, война не затихала ни на минуту.

Внезапно зазуммерила танковая рация, стоявшая между ног майора Шарейко в «опеле». Майор щелкнул тумблером «на прием» и услышал, что его вызывает командир экипажа «Варшава-девять». Выяснилось, что у «девятки» клинит левый фрикцион и он просит разрешения на ремонт. От «технички» экипаж отказался, уверяя майора в прекрасном знании доверенной им материальной части. Шарейко разрешил

им выйти из колонны и остановиться на ремонт, приказав управиться как можно скорее.

– Вас понял – ремонт разрешен! – Командир танка отключил связь и спросил своего механика-водителя: – Яцек, к лесочку сможешь доползти? Чтобы от глаз подальше?.. Там вон я вижу ручеек какой-то. Потом помоемся. Дотянем?

– Попробуем, командир.

Танк «Варшава-девять» стал с трудом уходить с дороги к ложбинке у самого леса, в котором совсем недавно скрылась группа генерала фон Мальдера.

Какая это все-таки прекрасная штука – система оптических линз! Достаточно совместить объект убийства с перекрестием прицела и плавно нажать спуск. Вот этот командир польского танка с номером «девять» и белым орлом на башне, торчащий по пояс из верхнего люка, – чем не превосходная мишень? А он об этом не знает. Чему-то смеется, что-то кричит в люк своему экипажу. Да по нему просто невозможно промахнуться. Тем более что танк подходит все ближе и ближе...

Но танк вдруг остановился возле ручья и выключил двигатель, не дойдя до леса метров семьдесят. Гауптман Герберт Квидде спокойно сказал:

– Вот видите? Я же говорил, что он сюда не пойдет. У него, кажется, клинит левый фрикцион...

С несколькими офицерами он стоял за деревьями. Каждый держал в руках по фаустпатрону. Если бы танк решил

войти в лес – гибель его была бы неминуемой.

– И никакого шума, – улыбнулся Квидде и передал верзилю фаустпатрон, взяв у него из рук снайперскую винтовку. – Дай-ка я посмотрю на него.

Он прицелился в командира танка, и снова лицо молодого поляка заполнило сетку прицела. Тот стащил с головы шлемофон, и Квидде явственно увидел мокрый от пота лоб и прилипшие к нему белесые волосы. Упираясь руками в края люка, командир танка вылез наверх, встал во весь рост, сладостно потянулся, разминая затекшее тело, и счастливо рассмеялся.

– Очень недурен... – пробормотал Квидде, не отрывая глаз от окуляра прицела. – Почти похож на человека...

Когда причины заедания левого фрикциона были выяснены, неисправности устранены и ремонт закончен, весь экипаж, включая командира, был грязен до неузнаваемости.

Для первого, «грубого» этапа омовения механик-водитель нацедил из дополнительного бака ведро солярки, и, прежде чем перейти к заключительной части туалета у ручья с нормальным мылом, все четверо оттирались соляровым маслом.

Первым закончил плескаться в солярке башенный стрелок. Он выпрямился, тщательно вытер руки ветошью и стал расстегивать комбинезон, чтобы водой вымыться до пояса. Он уже стянул комбинезон с плеч, завязал его на поясе руками и взялся стаскивать с себя мундир и нижнюю рубашку.

Но тут же застыл, уперевшись взглядом в небольшую возвышенность...

Все трое немедленно разогнулись. Башенный стрелок в полном оцепенении показывал глазами на бугор, откуда по пологому косогору спускалась лядащая лошаденка, запряженная в обычный крестьянский однолемешный плуг.

Лошаденку тащили под уздцы две маленькие оборванные девчонки лет десяти. На рукоятки плуга, стараясь загнать лемех поглубже в землю, налегала рано состарившаяся женщина. Медленно и неровно ложилась вспаханная полоса, – ни у девчонок, ни у женщины, ни у лошади попросту не хватало сил. Да и поле было тяжелым для пахоты – приходилось огибать искореженную военную технику: увязшую в весенней грязи противотанковую пушку, сгоревший грузовик, разбившийся советский самолет со звездой на хвосте. Но девочки упрямо тащили лошадь вперед. Она оскальзывалась в непросохшей земле, и женщина из последних сил вдавливала плуг в эту искалеченную землю всем своим измученным телом...

Уже давно танки майора Мечислава Шарейко стояли на исходных. Они развернулись во фронт, и каждый экипаж маскировал свои машины. Уже дымила полевая кухня, и над позицией витал фантастический запах вареного окорока с пережаренным луком. Уже давно майор Шарейко мог оставить полк на своего заместителя, вернуться в город и начать нормальную личную жизнь часов до пяти утра как минимум. Если бы не эта проклятая «девятка»! Мало того, что она не

пришла на пункт сбора вовремя, она не отвечала на позывные. Это особенно пугало майора. Мало ли что могло случиться!

Майор обеспокоенно посмотрел на часы и приказал своему водителю:

– А ну, разворачивай телегу!

«Опель-адмирал» развернулся и помчался к проселочной дороге. Все, все могло произойти... Подорвались на mine и сгорели, наткнулись на засаду бродячей группировки и погибли. Пока ремонтировались, их, как цыплят, могли перещелкать. Больше всего майора нервировало то, что молчала рация «девятки». Шарейко пожалел, что не взял с собой еще одну «тридцатьчетверку» с каким-нибудь опытным экипажем, и на всякий случай передвинул поближе к себе ручной пулемет, который валялся на заднем сиденье «опеля».

«Девятка» же молчала только лишь потому, что, кроме механика-водителя, в танке никого и не было. Некому было ответить на позывные командира полка. Тем более что механик-водитель отдал свой шлемофон маленькой девочке. Она напялила его себе на голову и сейчас сидела на танке, свесив ноги по обе стороны пушки.

Вторая девочка вместе с грязным стрелком-радистом гарцевала на распряженной кляче и визжала от счастья. Женщина устало сидела на разостланном орудийном брезентовом чехле и ела американскую тушенку солдатской ложкой прямо из банки.

Медленно двигался по полю починенный танк с цифрой «девять» на башне. Он осторожно волочил на постромках за собой плуг. Его вжимал в землю мокрый от напряжения командир экипажа. Заряжающий бежал перед танком спиной к движению и кричал механику в открытый люк:

– Ну куда ты дергаешь, дубина?! Не газуй! Иди ровнее!..

Потом перебежал назад к взмыленному командиру и умолял его плачущим голосом:

– Ну, командир! Ну кто так пашет? Дайте мне, командир!.. Вы же слишком глубоко лемех засаживаете – он у вас и выпрыгивает! Не умеете – не беритесь! А я – крестьянин, я знаю как... А вы городской... Зачем вам это?!

– Пошел к такой-то матери... – Хрипел командир, намертво вцепившись в рукоятки плуга.

Танк тихонько урчал двигателем, медленно полз по омертвевшему военному полю, и за плугом, в руках неумелого горожанина, ложилась одна борозда за другой...

Со стороны дороги показался «опель-адмирал» и показился прямо по полю к пашущему танку. То, что увидел майор Шарейко, оскорбило его до глубины души. Он, командир танкового полка, один, с ручным пулеметом, мчался на выручку своему экипажу... Он еще по дороге навывдумывал себе горящий танк с разорванными гусеницами, со сметенной башней... Он уже представил себе обгоревшие, окровавленные тела четырех несчастных пареньков. А увидел четырех абсолютно здоровых идиотов, которые занимались черт зна-

ет чем!...

На полном ходу Шарейко встал в своем «опеле» в полный рост и закричал страшным голосом:

– Ну я вам сейчас дам под хвост!

Польско-советская комендатура разместилась в одноэтажном здании бывшей немецкой комендатуры. Лучшего в этом городке придумать было невозможно.

– Аккуратные сволочи... – завистливо проговорил Зайцев при первом посещении этого дома. – Всё предусмотрели! Нам бы так... Нам бы цены не было! Это если по справедливости.

Четверо солдат на двух стремянках сдирали со стены комендатуры немецкую надпись и водружали польскую. Водитель советского «студебекера» уже лаялся с водителем польского «студебекера» из-за места под навесом, куда могла встать только одна машина. У дверей комендатуры ощерился пулеметом броневедомитель БА-64. Валерка Зайцев выпросил его у помпотеха своей дивизии подполковника Хачикяна при помощи бесстыдной и унижительной лесты.

В кабинете Станишевский и Зайцев пыхтели над составлением приказа по городу о вступлении в должность. Для облегчения задачи Станишевский раздобыл февральский экземпляр «Глоса Велькопольского», где был напечатан приказ военного коменданта Познани и Познанского повята полковника Смирнова. Поначалу они, не мудрствуя лукаво, решили перекатать текст познанского приказа и подписать

его своими именами. Однако при внимательном прочтении выяснилось, что в их хозяйстве, как заметил Зайцев, «труба пониже и дым пожиже». После долгих препирательств, споров и взаимных упреков приказ все же был написан. В своих основных положениях он почти повторял приказ по Познани полковника Смирнова, но был втрое короче, так как площадь применения административных сил Станишевского и Зайцева была вдесятеро меньше, чем у познанского полковника.

– Ну, слушай! – наконец произнес взмыленный Станишевский и торжественно встал из-за стола, держа черновик приказа в руке.

Зайцев плюхнулся в кресло, прикрыл глаза ладонью и сказал:

– Валяй!

Он вспомнил, что именно так, прикрыв ладонью глаза, сидел и слушал музыкальные передачи их сосед по квартире – один интеллигентный старичок из «бывших». У него был редкий по довоенным временам приемник ЭКЛ-4, и Валерка еще пацаном частенько ошивался у этого старичка.

Станишевский удивленно посмотрел на Зайцева и спросил:

– Ты будешь слушать или дрыхнуть?

– Ну деревня!.. – удивился Зайцев. – Я так воспринимаю лучше. Ты читай, читай.

– "Приказ... – начал Станишевский, поглядывая на Зай-

цева. – Сегодня, тридцатого марта одна тысяча девятьсот сорок пятого года..."

– Чей приказ?! – Зайцев трагически всплеснул руками. – Чей?!

– Ой... – Станишевский испуганно вчитался и тут же успокоился: – Написано, написано! Я пропустил нечаянно.

– Читай внимательней. – Зайцев снова томно прикрыл рукой глаза.

– "Приказ военного коменданта города и повята, – начал снова Станишевский. – Сегодня, тридцатого марта одна тысяча девятьсот сорок пятого года, я приступил к исполнению своих обязанностей коменданта города и повята". Точка. «Пункт первый. Всем учреждениям и предприятиям общественного пользования (электростанция, водопровод, аптека, баня, торгово-промышленные предприятия и другие) продолжать работу, а тем, кто ее прекратил, – возобновить. Пункт второй. Руководителям государственных средств связи – почта, телеграф, телефон, а также частным лицам, имеющим радиостанции, владельцам типографий, типографских машин и множительных аппаратов лично зарегистрироваться в военной комендатуре в течение двадцати четырех часов для получения указаний о дальнейшей деятельности...»

– Так они и побегут регистрироваться... Их уже и след простыл! – сказал Зайцев.

– Наше дело предупредить. А там пусть на себя пеняют.

– Читай дальше.

– "Пункт третий. Всем лицам и организациям сдать до первого апреля в военную комендатуру все огнестрельное оружие военного, спортивного и охотничьего типа, а также и холодное оружие тех же типов. Пункт четвертый. Всем лицам, знающим о местонахождении оружия (независимо от того, кому оно принадлежит) и об имуществе и складах, оставленных немцами, приказываю уведомить об этом военную комендатуру".

– Вот это правильно! – с удовольствием сказал Зайцев. – А то потом начнут пулять из-за угла...

– "Пункт пятый. В течение двадцати четырех часов зарегистрировать в военной комендатуре все имеющиеся в личном распоряжении автомобильные транспортные средства..."

– Не смей ты меня, Андрюха! – заржал Зайцев. – Выброси ты этот пункт к едрене фене. У кого тут свои автомобили, скажи мне на милость? Им тут задницу прикрыть нечем.

– Ты малограмотный тип, Зайцев. Здесь столько богатых немецких хозяйств, что покопайся в любом фольварке – еще не то обнаружишь! Они оттяпали этот кусок Польши не для того, чтобы тут бедствовать. Заткнись и слушай! «Пункт шестой. Уличное движение разрешаю только от семи утра до двадцати часов вечера по московскому времени. Разрешаю, чтобы уличное движение от двадцати часов вечера до семи часов утра осуществлялось на основании специальных про-

пусков военной комендатуры».

– Вот с этим пунктиком мы напляшемся! – озабоченно проговорил Зайцев.

– На то нас сюда и поставили, – жестко заметил Станишевский. – «Пункт восьмой. За невыполнение какого-либо пункта данного приказа виновные будут привлечены к ответственности на основании законов военного времени. Военный комендант города и повята капитан А. Станишевский». Точка. «Помощник военного коменданта старший лейтенант В. Зайцев». Ну как?

– Шикарно! – Валерка был в восторге от того, что под приказом стояла и его фамилия. – Ничуть не хуже, чем там у них, в Познани.

– По-моему, тоже толково, – со скромной гордостью сказал Анджей. – Теперь это нужно переписать по польски и можно показывать начальству.

– Давай переписывай, только не тяни резину. Дел еще на сегодня – не разгрести, – сказал Зайцев и выглянул в окно. – Пойду посмотрю, чего он там возится.

– Кто?

– Да этот... Как его? Водитель твой. Что-то у него там не заладилось...

Через двадцать минут Станишевский вышел во двор комендатуры и увидел, что его водитель – капрал Войска Польского – смотрит вдаль отсутствующим взглядом, а его заместитель – старший лейтенант В. Зайцев, – грязный и злой,

возится в двигателе «виллиса» и говорит капралу:

– Не естещ керовца! Естещ нурмальные звыклы гувняж!.. Самохуд в таком фатальном стане, же забить те мало!..¹

Валера захлопнул капот «виллиса», вытер грязные руки тряпкой и достал из кузова свой автомат ППШ. Он сунул его капралу в руки и приказал:

– Тшимай пистолет машиновы, курча печена! Усендь с тылу, и жебы жадного джьвеньку от чебэ не слышалэм. Разуметь?²

Капрал взял автомат с тем же отсутствующим видом, влез в машину и еще долго мостился на заднем сиденье, что-то бормоча.

– Что случилось? – спросил Станишевский.

– Слухай, Анджей! – возмутился Валера Зайцев. – Тен вужек в таком холерным стане... Цощ окропного! И то го вина...³

– Со мной можешь говорить по-русски.

– Ах да!.. – спохватился Зайцев. – Этот жлоб довел машину до такого состояния, что хочется ему рыло начистить!

– Давай своего водителя.

– Да на кой нам хрен вообще водитель?! Я в Москве на

¹ – Ты не шофер! Ты обыкновенный... Машина в таком жутком состоянии, убить тебя мало!.. (польск.)

² – Держи автомат, черт возьми! Сядь сзади, и чтобы я ни звука не слышал! Понимаешь? (польск.)

³ – Эта машина в таком чертовском состоянии... Что-то ужасное! И это его вина... (польск.)

такси работал. Что я, здесь не потрафлю?

– Тогда гони его ко всем чертям. Что ты его на заднее сиденье запихал?

– Пусть сидит, раздолбай несчастный. Будет у нас заместо Санчо Пансы, – рассмеялся Валера и сел за руль. – Нам еще медперсонал санбата расквартировать надо. А то они уже вкалывают, а жить им пока еще негде. – И добавил по-польски: – Сядай, сядай, проше те упшейме!⁴

Станишевский сел в машину, взревел двигатель, и Валера рванул «виллис» вперед.

– Учись, деревня! – сказал Зайцев капралу и лихо выехал со двора комендатуры.

Текст приказа быстро согласовали с замполитом польской дивизии и командиром советской. По указанию полковника Сергеева текст был переведен еще и на немецкий язык. С величайшим трудом был разыскан начальник дивизионной походной типографии.

Станишевский приказал немедленно, в течение двух часов, отпечатать на трех языках приказ в количестве двухсот пятидесяти штук. Зайцев настаивал на тысяче экземпляров, и ни одним экземпляром меньше!

– Ты что, Берлин взял? – спрашивал его Станишевский. – Где ты в этом клоповнике собираешься развесить тысячу экземпляров? В тебе говорит ваша обычная российская гигантомания...

⁴ – Садись, садись. Прошу тебя, пожалуйста! (польск.)

– Ну и пусть! – стоял на своем Зайцев. – Мы действительно привыкли мыслить масштабно. «От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей...» А тебе не хватает широты – вот ты и жмешься...

Сторговались на пятистах экземплярах. Растолкали успевшего задремать начальника типографии, пригрозили ему всем, чем можно, – от кар небесных до военного трибунала – и поехали разыскивать начальника медслужбы советской дивизии, которому непосредственно был подчинен медсанбат.

Когда они вчетвером – Станишевский, Зайцев, начальник медслужбы и Санчо Панса с автоматом на заднем сиденье «виллиса» – подъехали к бывшему зданию городской больницы, из окна второго этажа выглянула старшая сестра Зинка и крикнула им:

– Стойте, стойте! Не поднимайтесь. Товарищ майор сами к вам идут!

Васильева вышла в сопровождении Зинки и старшины Невинного. Она была подтянута, одета по всей форме. Чуть-чуть коротковатая шинель плотно стягивала талию, открывала красивые ноги. Ресницы были подмазаны, на губах – легкий, почти прозрачный слой хорошей, неяркой губной помады. Начмед тоскливо отвел глаза в сторону, Станишевский ласково улыбнулся, приложил руку к козырьку, а Зайцев даже рот раскрыл от удивления.

Васильева незаметно подмигнула ему и четко доложила

начальнику медслужбы, что место для размещения личного состава уже найдено старшиной Невинным, – если начальник медицинской службы дивизии, а с ним и представители польско-советской комендатуры не возражают, они могли бы сейчас же осмотреть этот дом. Тем более что он находится в пятидесяти метрах отсюда. Достаточно перейти улицу.

– Так точно, – подтвердил Невинный. – Вот видите огрудек за воротами? А в нем такой домик – будьте-нате, товарищ подполковник! Воздушку протянем, телефончик поставим и... Вот пойдемте, я вам покажу. Там комнат пятнадцать, и всего один старик живет. Все и разместимся. Не строевой ведь батальон, а медицинский...

И Невинный повел всех через мощенную диабазом улочку к высоким железным, несколько вычурным воротам в середине длинного, во весь квартал, красивого каменного забора, из-за которого торчали густо посаженные деревья с еще голыми безлистными ветвями...

Они долго рассматривали старинный роскошный особняк с огромной кухней внизу, узкими лестницами из черного дерева, ведущими на второй этаж, анфиладами комнат с дополнительными отдельными входами и общим залом в первом этаже.

В доме было почти все цело, и только легкие следы поспешного бегства напоминали о том, что хозяев тут нет, а сопровождающий медицинско-комендантскую группу старик – не более чем служащий в этом доме.

Зайцев перекинулся парой слов с этим стариком и уже чувствовал себя хозяином положения, предлагая свои варианты расселения медперсонала.

– Кому принадлежал дом? – спросил Станишевский у старика.

– Отставному генералу барону фон Бризену, пан капитан, – коротко поклонившись Анджею, ответил старик.

Он был высок, сухощав, и в его манере коротко, не сгибая спины, кланяться, отвечая на вопрос, чувствовалось достоинство старого военного служаки. Ему было не менее семидесяти лет.

Станишевский взгляделся в лицо старика и подумал о том, что этого человека он где-то совсем недавно видел. Они встретились глазами, и старик снова легко наклонил голову, отвечая на незаданный вопрос Стапишевского.

– Пан капитан видел меня в офлаге три часа тому назад. Я переводил речь вашего генерала на итальянский язык.

– Ну что ж... – кисло проговорил начмед, – я думаю, что вам здесь будет удобно.

– Обратно же комендатура недалеко, – пропела Зинка.

– Уймись! – одернула ее Васильева.

– Старика этого можете держать при себе, – сказал Валера. – Он и по-немецки шпрехает.

Зайцев по-свойски хлопнул старика по спине и крикнул ему по-польски:

– Пан добже разуме по-немецку?⁵

– Так ест, проше пана ⁶, – поклонился старик.

– Он тут на них лет двадцать вкалывал, – объяснил всем Валера нормальным голосом и снова закричал старику, который стоял к нему ближе всех остальных: – Иле пан працювалось в немчех?⁷

– Кавал часу... Двадесча тши лята, проше пана⁸, – ответил старик и вдруг сказал неожиданно на превосходном русском языке: – И не кричите так, пожалуйста. Я прекрасно слышу.

На секунду все опешили. Валера Зайцев первым пришел в себя и железной хваткой сгреб старика за отвороты куртки.

– Ты мне тут спектакли не разыгрывай! Фамилия?

Но этого старика испугать, видимо, было трудно. Не сопротивляясь, он просто поморщился от неудобства.

– По-немецки или по-польски?

– А у вас две фамилии? – немедленно спросил Анджей.

– Да, – ответил старик. – Отпустите меня, пожалуйста. Вы делаете мне больно.

– Отпусти его, – сказал Станишевский Зайцеву.

Валера нехотя выпустил старика. Тот спокойно одернул на себе помятую куртку.

– Здесь все, даже исконно польское, имело немецкие на-

⁵ – Вы хорошо понимаете по-немецки?

⁶ – Так точно (польск.).

⁷ – Сколько вы работали у немцев? (польск.)

⁸ – Долго... Двадцать три года (польск.)

звания. По-польски я – Збигнев Дмоховский.

– Ну а кто ты был по-немецки, мы еще выясним, – пообещал ему Зайцев. – Через особый отдел, а еще лучше – через контрразведку крутанем...

Начмед дивизии был не на шутку испуган. Но Васильева отодвинула Валеру в сторону и неприязненно сказала ему:

– Да погоди ты, Зайцев... Что это у вас, у мужиков, одна и та же болезнь на всех?! Как власть дадут вам в руки, так вы дуреете прямо. Мне вот, например, переводчик нужен. У меня четырнадцать раненых фрицев лежат. Из них – шесть тяжелых... Час тому назад один кончился. Не могли понять, что он там бормочет. Я с ними без переводчика как без рук...

– Пожалуйста, товарищ майор, – согласился Зайцев. – Только потом, если что случится... В конце концов, тут ваш непосредственный начальник – товарищ подполковник...

Подполковник был здесь человеком новым. Он прибыл в дивизию на должность начмеда лишь два месяца тому назад и еще недостаточно уяснил для себя внутреннюю расстановку сил. Однако, будучи человеком опытным и осторожным, он решил, что уверенная и свободная манера держать себя в любой обстановке, некоторая излишняя резкость в суждениях и оценках майора Васильевой наверняка поддерживаются чьим-то сильным покровительством «сверху». Будто бы ей, Васильевой, что-то такое известно, чего ему, ее непосредственному начальнику, знать не положено. Ничего удивительного – женщина одинокая, привлекательная,

а большие командиры – тоже люди, тоже человеки. Хорошо еще, что она специалист отменный. А была бы на ее месте какая-нибудь – таких дров наломала бы...

Тем не менее подполковник счел своим долгом отвести Васильеву в угол и прошептать ей, что такими вещами не шутят – он показал глазами на старика Дмоховского – и он на себя ответственности взять не может.

– Ну давайте под мою ответственность, – усмехнулась Васильева и закурила. – Вам так удобнее?

Подполковник представил себе весь командный состав дивизии и подумал: «Интересно, с кем же у нее шуры-муры?..»

К пятнадцати ноль-ноль замок был разминирован. Не осталось ни единого непроверенного угла, ни одной неосмотренной лестнички. Замок был выстроен в конце четырнадцатого века и окружен крепостной стеной, сооруженной несколько позже. Весь ансамбль с характерными для польского средневековья остроконечными башенками по всей крепостной стене, с бойницами, угрюмо и слепо зияющими своими пустыми глазницами из под таких косых черепичных скатов, что на них и кошке не удержаться, с большим внутренним двором, выложенным серыми каменными плитами, напоминал знаменитый краковский Барбакан и Флорианские ворота.

Попасть в замок можно было только через двор, сквозь единственные ворота в крепостной стене, а там, дальше, уже

во внутренние покои – через две могучие, окованные черным железом двери мореного дуба. Одна дверь вела в правую часть замка, вторая – в левую. Широкие лестничные марши со старыми ступеньками шли наверх пологими полукружьями и там сходились в одно большое мрачное помещение с высоченными стенами из грубого, почти не отесанного камня. Столетиями закопченный потолок из толстенных дубовых брусьев был почти не освещен. От длинных узких окон свет попадал только на пол и лишь к вечеру с трудом доползал до середины стен, да так на них и угасал, не дотянув до потолка.

В ознаменование освобождения города и по случаю вселения штабов польской и русской дивизий в замок было решено устроить торжественный обед для командного состава с приглашением освобожденных из плена старших офицеров союзных войск.

– И чтобы переводчики были! – приказал Юзеф Андруш-кевич. – С французского и английского. Старший группы итальянцев запросто треплется по-французски. Сам слышал. Так что нам тот цивильный старик не требуется...

Уже через час во дворе замка стояло несколько машин, метались польские и советские ординарцы и адъютанты, носились солдаты роты охраны – таскали из машин штабное имущество. Уже съезжались выбритые, в свежих подворотничках, в отглаженных кителях и мундирах, в сверкающих сапогах командиры подразделений и начальники служб. А

над всей этой суетней витали фантастические запахи. Они выплывали из открытых окон первого этажа левого крыла замка, где находилась громадная средневековая кухня. Запахи сводили с ума рядовой и сержантский состав, да что скрывать, заставляли и старших офицеров глотать слюну и нервно поглядывать на часы.

Через огромные ворота в крепостной стене во двор замка неторопливо въехал трофейный «хорх». В нем сидели генерал Януш Голембовский и командир советской дивизии полковник Сергеев.

Капеллан дивизии майор Бжезиньский первым увидел машину генерала и привычно скомандовал по-русски:

– Товарищи офицеры!

Двор замер. Прекратилось какое-либо движение. Казалось, что в воздухе застыли даже роскошные кухонные запахи.

Голембовский и Сергеев одновременно вылезли из «хорха» с разных сторон. Генерал оглядел двор, остался доволен увиденным и коротко козырнул:

– Вольно, вольно...

Словно по мановению волшебной палочки, двор ожил. Голембовский перевел взгляд на Шарейко и тут же строго спросил:

– Танки на исходных?

– Так точно, – улыбнулся майор Шарейко.

– Чего это ты веселишься? – подозрительно спросил его

генерал.

– Да я уж тут рассказывал. Одна машина во время переброски попросила разрешения на ремонт и отстала. Я их на позиции жду, а они, черти, починились и какой-то бабе землю танком пашут!

– Землю пашут?! – поразился генерал.

– Самое время, – негромко сказал капеллан. – Послезавтра – Пасха. Начало весны.

– Ах ты черт возьми... – расслабленно вздохнул Голембовский. – Вот ведь штука-то какая!.. Юзек! Андрушкевич!.. Иди сюда. Послушай, что делается-то...

Замполит с сожалением оторвался от разговора с хорошенькой переводчицей, извинился перед ней и подбежал к генералу:

– Слушаю вас!

– Вот Куба говорит, что послезавтра – Пасха, а Шарейко докладывает, что люди уже землю пашут! А ведь все это дела замполита! А ты там к девочке приклеился – клещами не отодрать. Как-никак три дня свободных. Подумал бы...

– Эту землю, товарищ генерал, сейчас все равно не поднять. Из нее одно железо торчит. Да взрывчатки в нее напихано – на всех нас хватит. А с Пасхой есть идея: отпраздновать ее по всем правилам. Куба стол освятит, отслужит молебен в костеле.

– Там нет крыши, – сказал Бжезиньский. – Только стены и алтарь.

– Ничего страшного. Нет крыши – ближе к Богу. Обязательно молебен в костеле. Это будет иметь очень важное политическое значение! И для наших, и для местного населения. Как идея?

Генерал вопросительно посмотрел на полковника Сергеева и вздохнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.